

ВСЕ СИЛЫ НА УСПЕШНОЕ ПРОВЕДЕНИЕ И ЗАВЕРШЕНИЕ УБОРОЧНОЙ КАМПАНИИ

Основные задачи хлебоуборочной и сеноуборочной кампании текущего года, это—большевистская мобилизация масс на борьбу за ударные темпы уборочных работ, правильная организация сдельщины, учета труда и распределения доходов и массовая организация борьбы с потерями зерна при уборке.

На с. и м. н. е. полевод колхоза „Смычка“, Лихославльского р-на, Московской области, проверяет зрелость семенного зерна тимофеевки.

ЛЕЧЕБНИЦА (ПОЛИКЛИНИКА) ВСЕРООБПОМА

ОХОТНЫЙ РЯД, 3 (у Дома Союзов). Телефон 1-52-88 и 3-38-67.
Прием врачами специалистами всех граждан по всем специальностям с 8 часов утра до 9 часов вечера

ЛАБОРАТОРИЯ (все виды медицинских анализов).
РЕНТГЕН. ЭЛЕКТРО-СВЕТОЛЕЧЕНИЕ.
ХИРУРГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ (ортоп., туб. костей, исправление дефектов лица, челюстей, неба, носа).
ВНУТРЕННИЕ БОЛЕЗНИ (туб., бол. сердца, сосудов, болезни обмена веществ, бол. желудка и кишок и пр.)
ЗУБО-ВРАЧЕБНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ (протезирование).
ГИНЕКОЛОГИЯ и АКУШЕРСТВО (профилактика).
КОЖНО-ВЕНЕРИЧЕСКОЕ и УРОЛОГИЧЕСКОЕ МОЧЕПОЛ. ОТДЕЛЕНИЕ. ЖЕНСКАЯ ГОНОРЕЯ.

Консультация и прием профессоров ежедневно.

ПРОМ. КООПЕРАТИВНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ МЕДРАБОТНИКОВ Г. МОСКВЫ СМОЛЕНСКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА

Уг. Арбата и Смоленского рынка, д. 2/17, тел. 72-72.
Прием по всем специальностям с 9 до 9 час.

КАБИНЕТЫ: Зубоврачебный, Венерологический, Физико-терапевтический, женская гонорея и др. Вызов врачей на дом по внутренним, детским и др. во всякое время. ПЛАТА ПО ТАКСЕ.

СЕКАРОВСКАЯ ЖИДКОСТЬ

МОСКВА 55, 2-й ВЫШЕСЛАВЦЕВ ПЕЯ

ПРИ ОТСУТСТВИИ В АПТЕКАХ ЗАКАЗЫ ИСПОЛНЯЮТСЯ ПО ПОЛУЧЕНИИ ЗАДАТКА В 50%, ПОСЫЛОЧНОЙ КОНТОРОЙ „ГУМ“.

Москва, Мясницкая, 26.

ВОПРОСЫ ПОЛОВАГО ВОСПИТАНИЯ В БРАНЕ И СЕМЬИ

Альбом в трех частях
(более 1.300 рисунков)

Под редакцией профес. В. И. ТАЛКОВА,
Н. И. КОРДАНСКОГО, С. Я. ВОЛЬФ-
СОНА и при участии проф. Т. П. СА-
ХАРОВА и проф. Н. БОРОХТИНА.

К альбому прилагается
семь книг (1116 стр. текста).

Цена альбома в папке со всеми при-
ложениями 30 рублей. Высылается толь-
ко по получ. задатка не менее 10 р.

Москва, Г. С. П. 10, Мухомов ул., д. 26,
26, кн. маг. Просвет. о-ва „ПРОМЕТЕЙ“.

САМО-УЧИТЕЛЬ ПЕНИЯ

Вокально-муз. грамота. Поютановка
и развитие голоса. Техника дыхания.
Начальные упражнения. Ц. 3 р. 85 к.

САМОУЧИТЕЛЬ ИГРЫ НА СКРИПКЕ

Нотная грамота, наставления, уп-
ражнения и ноты. Цена 3 р. 60 к.

ПОЛНАЯ ПОВАРЕННАЯ КНИГА ДЛЯ ХОЗЯЕК

Как из любых имеющихся продуктов
экономно готовить разнообразные,
сытные и вкусные блюда, также
тесто и напитки. Множество полез-
ных советов. Цена с перес. 2р. 85 к.

Адр.: Киев, Кооп. Т-во „ЛОГОС“
ул. Воровского, 24/3, ящик 121.

ЧИТАЙТЕ „WORKERS' NEWS“

ВНИМАНИЮ ВРАЧЕЙ И ЛЕЧЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

АЛЛИСАТ

КОРРЕЛИЗОВАННЫЙ ПРЕПАРАТ
ЧЕСНОЧНОЙ ВЫТЯЖКИ

„Allilsat“
(Essentia Allii Sativi)

ПОКАЗАН К ПРИМЕНЕНИЮ НА БОЛЬНЫХ
С ОБЩИМ АРТЕРИОСКЛЕРОЗОМ С ГИПЕР-
ТОНИЕЙ И БЕЗ ГИПЕРТОНИИ, ПРИ АТОНИИ
КИШЕЧНИКА, КОЛИТАХ С НАКЛОННО-
СТЬЮ К ЗАПОРАМ И ПРИ ЯВЛЕНИЯХ СЕР-
ДЕЧНОЙ АСТМЫ.

АЛЛИСАТ ПРОВЕРЕН ЭКСПЕРИ-
МЕНТАЛЬНО И С УСПЕХОМ ИС-
ПЫТАН КЛИНИЧЕСКИ В МОС-
КОВСКИХ ЛЕЧЕБ. УЧРЕЖДЕНИЯХ

ПРОДАНА ВО ВСЕХ
АПТЕКАХ
При отсутствии заказов испол-
но по получ. задатка в 50%, посылоч-
ной конторой „ГУМ“, Москва, Моско-
вская, 26.

А. Л. ГОЛЬДИН КУРС БУХГАЛТЕРИИ ДЛЯ САМООБУЧЕНИЯ

Полный курс в 2-х частях, да-
ющий возможность вполне са-
мостоятельно изучить бухгалте-
рию. Цена полного курса (2 ча-
сти) 7 рублей.

КУРС СТЕНОГРАФИИ

Новейшее общедоступное руко-
водство для самостоятельного
научения на дому. Цена 2 р. 80 к.

ТЕХНИКА ВЫЧИСЛЕНИЙ

Упрощенные и механические
способы вычислений с приложе-
нием таблиц и моделей счетной
линейки. Цена 3 руб. 50 коп.

СЧЕТНАЯ ЛИНЕЙКА

Популярное руководство к поль-
зованию счетной (логарифми-
ческой) линейкой инж. Я. Башикина
Второе издание 1931 г. Ц. с пе-
рес. 95 коп.

Д-р НИФАНТОВ ПАМЯТЬ ЕЕ НЕДОСТАТКИ И МЕРЫ И ИХ УСТРАНЕНИЕ

Новое 2-е издание 1931 г.
Под редакц. проф. ШЕВАЛЕРОВА,
с 14-ю рисунками. Цена 2 р. 25 к.

Проф. Т. И. ЮДИН ЕВГЕНИКА

Учение об улучшении природ-
ных свойств человека. Ц. 3 р.
Пересылка за счет заказчика.
Высылает книжный магазин „ПРОМЕТЕЙ“
Москва, Г. С. П. 10, Мухомов, 26.

БУХГАЛТЕРИЮ

можете изучить сами по само-
учителям Д. А. Писарева:
1) От простого до двойному оче-
товодству, 2) двойная бухгалте-
рия. К каждому из руководств
прилагается полный комплект
тетрадей и бланков для про-
ботки всех упражнений и задач,
входящих в курс. Цена по 6 р.
за каждый курс (включая пере-
сылку). Оба курса — 12 руб.

Высылается автором по полу-
чению вперед всей стоимости
или задатка в 2 р. Ленинград, 28,
Кирочная, 2 Д. А. Писаревскому.

Народный Комиссариат Финансов Союза ССР и ОРУ

Москва, центр,
Никольская,
пер. Блюхера, 3
пом. 21/0.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЗАОЧНЫЙ ИНСТИТУТ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СЧЕТНЫХ НАУК ВЗИНО

ОТКРЫТ ПРИЕМ В
ИНСТИТУТ И ТЕХНИКУМ
НАБОРА 1931 года.

Институт имеет три факультета: I. ФИНАНСОВЫЙ.
II. КРЕДИТНЫЙ. III. УЧЕТНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ с от-
делениями: промышленным, сельскохозяйственным и
торгово-кооперативным.

Институт ставит перед собой задачи подготовки и перепод-
готовки специалистов высшей квалификации в области финансов,
кредита и учета. Институт организует занятия в объеме и по
программам высшего учебного заведения. Слушатели Инсти-
тута, выполнившие полностью учебный план одного из факуль-
тетов и прошедшие устные испытания, получают свидетельство
об окончании Института, с указанием присвоенной им квали-
фикации, согласно общ. пол. о ВУЗ'ах.

Срок обучения в Институте 3 года

Для подготовки работников средней квалификации в области
финансов, кредита и учета при ВЗИНО действует заочный
техникум. Техникум имеет три отделения: I. Финансовое.
II. Кредитное с циклами: учетно-кредитным и сберегательным.
III. Учетное с циклами: промышленным, сельскохозяйствен-
ным и торгово-кооперативным.

Срок обучения в Техникуме 2 года.

В первую очередь принимаются командированные
организациями и хозяйственными. Число мест для
свободного приема строго ограничено. Последний срок по-
дачи заявлений 15 августа.

Начало занятий в Институте с 1 октября, в Техникуме с 1 ок-
тября 1931 г. Проспект, в котором изложены программы и
условия приема, высылаются БЕСПЛАТНО.

Директор ВЗИНО Г. М. Свердлов.

ГОВОРЯТЕ ЛИ ВЫ ПО-НЕМЕЦКИ?

Практический самоучитель для
быстрого изучения немецкого
разговорного языка. Цена 3 р.
с перес. Адрес: Москва, Твер-
ская, 17, абонемента ящик 168.
Автору В. Рябову.

ПОРТРЕТ ХУДОЖЕСТ. УВЕЛИЧЕН.

тушью выслать с любой фото-
карточкой изл. работы при
получении полностью 16 руб.
с упаковкой и пересылкой, раз-
мер с паспорту 32x40, испол-
нение скорое, карточка возвра-
щается.

Москва 47, Б. Грузинская 75/27
Худ. Фот.-Л. В. САМОЙЛОВИЧ
Обратный адрес пишите четко.

ЗА МНОГОМИЛЛИОННЫЙ КОМСОМОЛ

Грандиозный рост социалистического строительства Советского союза обязывает большевистскую партию и ВЛКСМ с особым вниманием отнестись к пополнению своих рядов лучшими, преданными делу социализма ударниками, рабочей и колхозной молодежью. В канун XVII съезда на призыв комсомола откликнулись уже десятки тысяч человек. Рост политической активности союза ВЛКСМ и повышение его роли в борьбе за завершение построения фундамента социалистической экономики при наличии четкого партийного руководства, — вот залог превращения 4-миллионного комсомола в 5 1/2-миллионную смену партии Ленина.

На снимках: вверху — комсомольцы цеха ковкого чугуна Ростовского сельмашстроя беседуют о решениях последнего пленума ЦК комсомола; внизу — комсомольцы московской типографии „Красный Пролетарий“ пишут вызов комсомолу завода „Борец“ на соревнование по вербовке рабочей молодежи в ряды ВЛКСМ.

ТРИ АТАКИ

Письмо из Берлина *Ольги Ольгиной*

В эти дни всеобщего возбуждения, царящего в Германии, я видела три замечательных штурма, произведенных разными слоями населения на различные установления существующего строя. Коротко и сухо я опишу виденное.

1

В эти дни краха крупнейшего из банков, Данатбанка, буржуазия внезапно увидела, что царство эксплуатации далеко не так прочно, как ей казалось. И вот вкладчики пошли штурмом на банки и сберегательные кассы.

Тротуар перед банками загроможден народом. Пробраться внутрь невозможно. Там и так переполнено. Операционный зал набит доотказа людьми, которые, наседавая на кассы, умоляют служащих выдать им их вклады.

Никто при этом не хочет сознаться, что он попросту спасает свои деньги, каждый придумывает благовидный предлог:

— У меня больна жена... Ей спешно нужно сделать операцию.

— Мне срочно надо выехать за границу... Я получаю службу.

— Пришел срок уплаты по векселю...

Банковские чиновники говорят как автоматы:

— Мы выдаем только по сто марок... Только по сто марок...

И когда сотни людей уже получили по сто марок, из-за решеток несетесь новый, совсем не утешительный ответ:

— К сожалению, больше нет денег в кассах...

На улице, в толпе разочарование, отчаяние.

Пестра и разнообразна клиентура банка. Здесь средний и мелкий капиталист, вложивший свое состояние в „верные“ бумаги. Он польстился на большие проценты. Здесь и мелкие рантье и кустари, которые, боясь воров и взломщиков, держат деньги

вне дома. Коммерсанты, проводящие свои торговые операции через банк для быстроты и удобства. Бережливые люди, тащившие каждый лишний грош „на книжку“, чтобы не растратить деньги по пустякам.

И вдруг — крах!

Капитализм, священный кумир, единственный бог, которому можно молиться, по их понятиям, вдруг оказался слабым и немощным идолом.

И вот они стоят здесь, испуганные и разочарованные, осыпая проклятиями бога, которому они недавно молились.

И все горят лишь одним желанием: получить свои деньги. Что будет потом, об этом они не думают. Они хотят спасти свои деньги, они думают, что спасут их.

Такова психология при каждом банковском крахе.

2

Маленький городок, в котором городская касса прекратила выплату благотворительных пособий. Городское самоуправление не имеет денег. Социал-демократические городские советники растратили состояние городской общины в годы „подъема“. Теперь благополучие самоуправления базируется на налогах и субсидиях. Но с налогами дело обстоит скверно, потому что половина населения без работы. А германское государство, крупное капиталистическое государство, закрыло все субсидии. Оно само не имеет денег, потому что миллионеры забирают свои деньги из банков и переводят их за границу, туда, где как им кажется, нет большевиизма.

Рано утром появилось извещение, что благотворительные пособия больше выплачиваться не будут. Городок взволнован. Еще бы, люди которые с женами и детьми должны были жить на 4—6—8 марок в неделю, потеряли теперь последние средства к существованию.

На улицах рабочего квартала составляются демонстрации.

Они направляются к ратуше, где находится бюро по выплате благотворительных пособий. Демонстрация движется быстро и молчаливо, без пения, без возгласов.

Полицейские, которые хотят содержать демонстрацию, отброшены в сторону.

Почти одновременно стекаются к ратуше демонстрации с различных концов города. Раздаются выкрики:

— Где бургомистр? Мы хотим с ним говорить. Почему он прячется?

Но бургомистр не появляется. В окнах ратуши мелькают полицейские каски.

— Долой полицию! — слышны крики. — Вы хотите нам дать порку вместо хлеба! Идем к бургомистру.

Толпа наводит ратушу. Но люди не сразу бросаются к бургомистру. Сперва они идут обычным путем: в бюро по выдаче пособий. Там еще сидят бюрократы со своими помощниками и советниками. Они перебирают картонки картотеки, — единственное, что осталось от пособий в этом бюро.

Служащие испуганно вскакивают со своих мест:

— Бюро сегодня закрыто.

— Поэтому-то мы и пришли. Убирайтесь отсюда вон. Что вы тут перебираете бумаги?

— Я не позволю так обращаться со мной! — кричит заведующий бюро. — Я вызову полицию...

Тут раздается дикий шум.

В один момент разбиты шкафы, отделяющие чиновников бюро от толпы. Толстые бухгалтерские книги, ящики картотеки — все летит в окно. Звенит оконное стекло. Господин заведующий со своим штабом выскакивают в окно. Это не опасно для жизни: бюро находится в первом этаже, почти в уровень с тротуаром.

Теперь дальше, к бургомистру. Его находят у себя дома. Он не имеет мужества протестовать против этого вторжения, он не решается угрожать полицией. Бледный, заикаясь, он начинает свою речь.

— Я прошу присутствующих сохранить спокойствие. Общинный совет примет меры...

Так прошел этот штурм голода.

3

Нейкельн (рабочий район Берлина). Узкая улица с маленькими лавками, напрасно ждущими покупателей. Семь часов вечера. Лавки уже закрываются. Вдруг перед магазинчиком со съестными припасами вырывается маленькая группа молодых людей. Они плохо одеты, они в помятых рубашках, они худые и изможденные.

И вот они входят в лавку.

Один из них говорит:

— У нас нет денег.

Другой говорит:

— Мы голодны.

Третий заявляет лавочнику, дрожащему за своим прилавком:

— Мы не хотим ничего плохого. Мы хотим есть.

И они берут все, что лежит на прилавке: колбасу, сыр, яблоки, хлеб. Выбор невелик. Некоторые сейчас же принимаются за еду. Другие прячут взятое в карман.

Происшествие длится каких-нибудь три минуты. И вот они выбегают на улицу и скрываются за углом.

Лавочник стоит у дверей магазинчика, смотрит им вслед и кричит соседу:

— Здесь произошло ограбление. Позвоните в полицию!

Штурм сберегательной кассы в Берлине

Ольга Ольгина

ПОСЕВНАЯ НОЧЬ В ТИПОГРАФИИ

Стихотворение Яр. Смелякова

Стандартная полночь легла под окном,
Гулял тротуаром непонятный ветер.
Он тыкался в каждый встречавшийся дом,
Он думал о жданной-негаданной встрече.
Ему бы пепочку, ему бы часы,
А он—молодой, ненадежный, невеский,
Поэтому в окнах глядели, как псы,
Несущие пост занавески.
А окна у цеха—ку-да широки!
Поэтому ветер врывался к нам.
Он с визгом бросался с трамплина реки,
Он птицею бился в объятьях окна,
Он нам приносил молодую прохладу,
Он свежестью дул на работу бригады.
Он нам помогал. И мы брали с напора
Короткие строки косога набора.
И строки ложатся послушно и ровно,
Как смиренные овцы, как гладкие бревна.
И строки ложатся, оскалив зубы,
И гранки растут справа и слева,
Чтоб вырасти стадом, чтоб вырасти срубом,
Чтоб выйти брошюрой на помощь севу.
Чтоб вышла брошюра в зеленой рубашке,

Брошюра, которая ясно и кратко
Расскажет знакомым колхозным ребятам,
Как ладить, как чистить, как смазывать
трактор.

Мне ветер расскажет, а может не ветер,
Я сам поделюсь с ним рассказом, который
Волнуясь проходит полуночной степью,
Который сидит, управляя мотором,
Который недавно приехал из Курска,
Где месяц учился на тракторных курсах.
И вышел один-на-один с целиной
Мой сверстник по классу, мой друг молод-

дой.
То с холодом дружит, то прыгает в жар,
Но руль для него—не простая вожжа,
Но руль для него, как спасательный круг,—
Он рвется ершом из протянутых рук.
Мотор забывает себя и гараж,
Он входит в грозящий аварией раж.
Над степью полныны да мятые запахи,
И трактор идет без пути, без резона,
И звезды горят, и остыло с размаху
Короткое сердце „Фордзона“.

И вот тракторист (он приехал из Курска,
Где месяц учился на тракторных курсах),
Он рядом с машиной лежит без слов,
А месяц горит, и пахоть—светло.

Конец же заранее предрешен,
Он прост, и главное—он не случаен.

Сидит тракторист и горе свое
Глушит горячим наваристым чаем.

Чай попивает и думает он:

„Помощь не будет разве?“

Пыльным ответом, который верхом
Едет веснучатый почтальон,
Робкий работник связи.

Он жизнь растрясет на кобыле каурой

(А кто о работе такой не мечтал?),

И вот тракторист получает брошюру,

Брошюру, которую и набирал.

Как солнце, сияет его лицо,

Он знаменем поднял учебы тетрадку.

И ржаньем ржаным, будто пять жеребцов,

Встретил его покорившийся трактор.

Яр. Смеляков

СЕМЬЯ ВЕРЖБЛОВСКИХ

Из повести В. Герасимовой

„Я учился по капле выдавли-
вать из себя раба“.

Чехов

Маша Груздева, дочь сельской учительницы, приехала в город. Новый город, бывший когда-то губернским центром, казался ей огромным. Ее взволновала и гигантская реклама „Стироль-Иновит“ и трамвай, волосатый, как кобилка. Но больше всего волновала ее предстоящая встреча. Она должна была встретить тех, чьи образы мечтательно и сокровенно носила в себе.

Это были родственники—семья Вержбловских. До сих пор Маше удалось их видеть не больше трех раз, да и то в самом раннем детстве. Впрочем, это было понятно: жизнь Маши и ее матери оставалась далеко позади блистательного шествия Вержбловских.

Но и со стороны, и издалека Маша с восхищенной пристальностью следила за этапами этого шествия. От матери узнала она год и месяц, когда сын простого фельдшера из крестьян, студент Леонид Вержбловский получил доцентуру при Томском университете. Знала дату первой его заграничной поездки, дату издания первого научного труда, и даже день его женитьбы на красавице Ирине Ляховец. Особенно изучила Маша лицо Леонида Константиновича. В их комнате висел большой портрет в бронзовой тяжелой раме. Этот портрет был единственным украшением комнаты. С портрета мужчина в сюртуке с атласными отворотами пронизательно и энергично смотрел вперед. Он смотрел с такой силой, что Маше всегда казалось, что этот могущественный человек строит и охраняет их бедные, незащищенные жизни.

И детьми Леонида Константиновича восхищалась Маша. Это были самые удачные, самые счастливые дети!

Она с нежностью вспоминала, как однажды ее одели в лучшее сатиновое платье и долго, очень долго везли куда-то. Потом она увидела большой белый зал, девочку в белом платье и мальчика в зеленом плаще. У девочки в руках была белая палочка, на конце которой сияла серебристая звезда, а у мальчика в руках была корзиночка с пурпурными цветами.

— Я—царица Зима,—сказала девочка,— а он—принц Весна.

— Это Ада, а это Олег, познакомьтесь, малыши,—сказал Леонид Константинович и погладил Машу по головке.

Он был еще внушительней, чем на портрете,—но так же как там смотрел пронизательно и энергично куда-то вперед...

А много позднее дядя Леонид осветился для Маши и иным светом. Однажды мать заплакала и отложила в сторону газету. В небольшой заметке сообщалось, что ректор Томского университета, профессор Л. К. Вержбловский отстраняется от занимаемой им должности.

— Держиморды поставили крест на научной карьере Леонида Константиновича (она всегда называла его по имени и отчеству),—сказала мать и зарыдала.

И действительно, вскоре широкую огласку получил анекдот о том, как был уволен профессор Вержбловский. Великий князь Михаил, проезжая Томск, посетил университетскую лабораторию. Лаборатория находилась в ведении Леонида Константиновича.

— А где же икона?—спросил великий князь оглядываясь.

— Полагаю, ваше сиятельство, что ею отстреливаются,—так же как и остальные...—и профессор позволил себе улыбнуться. Он намекал на факт, который приобред печальную известность: на галлийском фронте, во время ожесточенных боев, когда русские терпели поражение из-за отсутствия снарядов, пришло несколько вагонов, груженных исключительно иконками и лубочными картинками... Да, эта мужественная ирония стояла профессору Вержбловскому карьеры,—он был отстранен по высочайшему распоряжению ровно в двадцать четыре часа.

И когда после февраля 1917 года мать говорила ей, что фамилия дяди стала часто встречаться в газетах,—Маша с гордостью думала, что человек получает наконец по заслугам; что страдания его наконец искупаются. И действительно, каким он был деятельным участником многих комиссий, комитетов и съездов!

Потом наступил длительный перерыв. Это был период, когда вся страна была оглушена гражданской войной и голодом. Передавали, что семья Вержбловских переехала далеко на юг...

И вот месяц тому назад мать принесла продолговатый сиреневый конверт. А на узком сиреневом листе бумаги стояло:

„Анна! Совершенно случайно узнал, где ты. Оказалось, что мы близкие соседи. Я в крайцентре—работает в университете. Кстати, вспомнил и о твоей дочери. Каковы твои планы на этот счет? Мог бы оказать содействие.“

Леонид“.

Всю ночь проговорили, промечтали они над узким листком бумаги.

— Ты получишь высшее образование!—повторяла учительница и плакала от счастья.

И вот, ошеломленная грохотом большого города, исполненной рекламой „Стироль-Иновит“ и бессонной ночью в жестком вагоне, Маша стояла перед широкой дверью с металлической досочкой.

Леонид Константинович
Вержбловский
Профессор

С чувством робости и восхищения оглядывала Маша эту комнату. Как-то к ним, в их крохотный городок приезжал на гастроли Московский театр „Пролеткульта“.

В одной из пьес рабочие—одинаковые как головы сахара, все в синих балахонах—были показаны отдыхающими именно в подобной комнате. Правда, в комнату, показанную в спектакле, на металлических блоках неожиданно спустилось десять красных стульев, и по стенам все время мелькали какие-то световые сигналы,—но что-то основное родило ее с тем, что с восхищенным изумлением рассматривала Маша. Ее восхищал и шкап, экономно вделанный в стену, и прямой жесткий стол с непонятными, но сильно блестящими приспособлениями из металла, и белые четырехугольные стулья, лишенные обычных спинок. Кроме того, обитатели комнаты, очевидно, занимались и спортом. Над одной белоснежной, но изумительно плоской кроватью висел плакат с очень крупной надписью:

КРЕПИ МЫШЦЫ

И на четырехугольном столике, что висел на металлических ножках, лежала добстая боксерская перчатка.

И, рассматривая всю эту—такую современную и такую по-новому красивую обстановку, Маша ощутила невольный

стыд и за свое маркизетовое платье в голубых цветочках, и за косу, уложенную вокруг головы... И когда в комнату вошли, она сильно вздрогнула и покраснела.

— Вержбловский! — и вошедший с манерой, еще невиданной Машей, четко и вместе с тем легко приподнял руку до уровня лица, как бы отдавая честь.

— Олег? — спросила Маша нерешительно. — Олег, — подтвердил молодой человек. Затем спокойно стянул с себя черепаховый джемпер.

— Разрешите? — спросил он корректно. — У меня навык — ровно в двенадцать. Дневная зарядка, — пояснил он и перегнул все свое стройное тело назад. Затем — вперед, тем движением, которое делают при рубке дров.

Он проделал это несколько раз подряд, и под упругой кожей его мускулы переливались и сверкали, как весенние ручьи.

Затем он остановился и несколько минут вдумчиво вдыхал и выдыхал. Когда и это было проделано, он налил в ладонь одеколон и, крепко растерев подмышками, надел черепаховый джемпер.

Почти тотчас же в комнату вошла, почти вбежала девушка.

— Здорово, фашист! — крикнула она и хлопнула физкультурника по плечу.

— Немедленно прекрати, — спокойно сказал молодой человек, сохраняя все ту же чеканную выдержку, и странной, круглой шеточкой, утыканной металлической щетиной, крепко пригладил свои блестящие молодые волосы.

— А кто... сия? — и девушка с веселой беззастенчивостью оглядела Машу.

— Я Груздева, Мария, — сказала Маша. — Я дочка Анны Константиновны. Если вы помните, то я была у вас на костюмированном вечере. В детстве...

— Ну, младенческие воспоминания по боку! Фьють! — и девушка весело присвистнула. — Вот лучше скажите, что, собственно, вы, дочка Анны Константиновны, намереваетесь делать в наших краях?

И под ироническим прищуром ее глаз Маша со стыдом и болью ощутила, как, вероятно, обывательски представилась она своей двоюродной сестре: «Я дочка Анны Константиновны!»

— Я... думаю учиться... получить высшее образование... — в замешательстве повторила она заветную фразу своей матери.

— У-у-ч-и-ть-ся? — протянула девушка. — Вы-с-ш-е-е о-б-р-а-з-о-в-а-н-и-е? — и она с преувеличенной почтительностью приподняла указательный палец, — так, как это делают гувернантки в смешных комедиях.

И Маша все с той же невольной и неожиданной неловкостью подумала, что и эти заветные слова, быть может, уж не так велики, значительны и прекрасны, как привыкла она с детства воспринимать их.

И это ощущение только усилилось, когда, сдернув с черных кудрей кумачевый платочек и небрежно сбросив на спинку кровати пальто оранжевой кожи, девушка с жизнерадостным задором начала рассказывать брату, какая «заварушка идет у них в лавочке». Она высмеивала мастера ремонтного цеха, которого называла не по фамилии, а запросто «папаян». Этот «папаян» вздумал на собрании открыто выступать против того, что восьмого марта работниц отпускают на два часа раньше! Он ссылался даже на необходимость рационализации рабочей силы!

— Ну, тут я его и обложила! Тут я его и покрыла, как маленького!

И Маша с восхищенной завистью вглядывалась в яркое смелое лицо своей двоюродной сестры.

— Что усталилась, гражданочка? — заметив этот взгляд, спросила девушка. И, на мгновение перестав улыбаться, сказала значительно, почти строго:

— О своем университете говорю.

Затем выяснилось, что и ее брат работает на производстве — не у станка, как его сестра, а руководит спортивной секцией центрального клуба металлистов.

А немного позднее пришел и сам Леонид Константинович.

— Разрешите представиться, — ваш законный дядя и крупиный снец, — сказал он с иронической церемонностью: — а это — супруга «снеца».

Сквозь туман волнен и видела Маша перед собой двух прекрасно одетых, не старых и еще красивых людей и не знала, что же следует им сказать.

— Вы большая!.. Страшно большая! Большая-пребольшая! — и Ирина Владимировна совсем по-ребячески приподняла тоненькие бровки.

И все, точно дождавшись того, что необходимо должно было быть, рассмеялись беззащитной ребячливости этой интонации...

— А теперь предлагаю железным рядам пролетариата и всем прочим отправиться «пошамать» — и все с той же иронической церемонностью Леонид Константинович предложил дочери руку.

За ними вышли и все остальные.

Несмотря на ранний час, столовая была освещена. Электрический свет матово пробивался сквозь темно-вишневый шелковый абажур. И в этой мягкой приглушенности света сиял обеденный стол. Он сиял твердо и сине, как свежайшая манишка.

— Прощу! — снова, неуволимо пародируя кого-то и очевидно сам этим забавляясь, сказал Леонид Константинович и подвинул Маше кресло с вкусной шоколадной спинкой...

А когда девушка с широким и бледным, как камбала, лицом, в крошечном белом

фартучке, внесла дымящуюся миску, Леонид Константинович провозгласил с пародийной величием конференсье:

— Первым номером нашей программы! — и приподнял фарфоровую крышку.

Профессор держался с исключительной сдержанностью.

Но очень скоро Маша ощутила, что неисчерпаемый и едкий огонь иронии скрывается под этим бесстрастием. Леониду Константиновичу была свойственна чрезвычайно своеобразная манера иронизировать: только одну половину лица представлял он ироническим переживанием, — другая оставалась подчеркнуто недвижной. И говорил профессор иронические вещи голосом ледяного бесстрастия.

В эту особенность Маша проникла не сразу, — не поняв ее, уже с важностью ждала, когда наконец левая щека дяди застынет. Особенно занимательной представлялась Маше манера обращения Леонида Константиновича с женой.

С ней он разговаривал исключительно в своем двойственном тоне: эту хрупкую, красивую большеглазую женщину, с покатыми плечами, что скрывались под легкой шаутиной серебристого шифона, называл он «делегаткой».

— «Делегатка» недовольна и требует блестящего остроумия, — говорил он, устанавливая неподвижность левой щеки.

А Ирина Владимировна с исключительной умелостью соответствовала мужу. Она всемерно обеспечивала ему возможность как можно больше пользоваться этим, очевидно приятным ему тоном:

— Леон, какой ты ужасный дразнилка! Ужасный дразнилка! — говорила она с детски-беспомощной грациозностью и жалобно приподнимала тоненькие бровки.

— Нас рассудит история, гражданочка! — отвечал профессор и делал невеселый глаз.

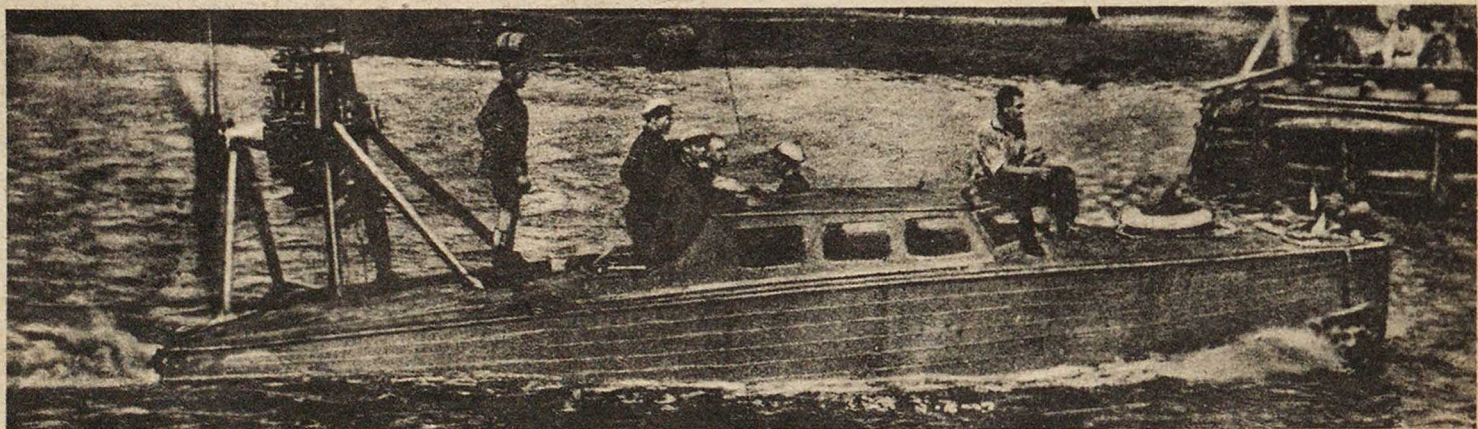
Ни на минуту не изменяла себе Ада Вержбловская, — в этой барски-благоустроенной столовой она бросала хлебные шарики в Олега, а родителей называла «буржуями». Все с той же энергической целеустремленностью и здоровым аппетитом обедал и Олег Вержбловский.

— У жизни должно быть широкое дыхание. Упругий ритм, — сказал он с твердым спокойствием в ответ на несколько скептическое замечание отца. И отец промолчал, с видимым удовольствием наблюдая за полнокровной бодростью сына.

Да, самым изумительным было то, что все эти такие разные люди, не отказываясь от своего лица, дружелюбно и терпимо общались друг с другом. Это был небольшой оркестр под управлением умного дирижера, сливавший разрозненные звуки в одно гармоническое целое.

В. Герасимова

НА ГЛИССЕРАХ ОТ МОСКВЫ ДО АСТРАХАНИ

Поход глассеров Москва—Астрахань является генеральной проверкой советских глассерных конструкций. На снимке — глассер им. Сталина в пути. Фот. И. Шагина

ЭНТУЗИАСТЫ ПЯТИЛЕТКИ

ЧЕЛОВЕК, НЕ ЗАМЕТИВШИЙ СВОЕГО ПОДВИГА

Очерк Макса Поляновского

Получив из редакции пакет, Максим Васильевич поглядел на почтовый штемпель. Над рядом цифр полукругом возвышалось слово „Москва“.

Адресат вскрыл конверт и прочитал: „Редакция просит вас рассказать о своей жизни и поделиться с рабочими массами опытом своей многолетней работы, за которую вы награждены орденом Ленина“.

Максим Васильевич выбрал свободный часок, уселся и стал думать, что же ему собственно написать. Перед ним, как на полотне экрана, проходили события и будни его многогранной жизни. Все же не знал Максим Васильевич, о чем написать раньше, а много писать он вообще не привык.

— Стоит ли о себе много распространяться. Это, пожалуй, никому и не нужно. Ну, в самом деле, кому интересно знать, что вот 57 лет назад у бедняка-крестьянина Мишина появился сын, что сын этот почувствовал с ранних лет тягу к производству, распрощался с родной деревней и ушел совсем еще молодым парнем работать на чугунок. Был ремонтным рабочим, шли года, стал старшим рабочим, потом еще прошла пачка лет, паренек Максимка превратился в солидного Максима Васильевича, стал артельным старостой.

Интересно ли знать тем, кто будет читать вот это его письмо, о том, как проводил он время в лихом пятом году, когда страна покрывалась баррикадами и восстала против кровавого царя?

Перед Максимом Васильевичем четко проходят моменты из его жизни в 1905 году. Была тогда такая боевая дружина — Гришинская. Он выполнял наказания этой дружины, состоявшей из революционных рабочих, он сопровождал отряды вооруженного пролетариата от станции Ново-Бахмутовка до станции Батманка, все время докладывая о состоянии мостов.

Шли вереницей годы, неудавшуюся первую революцию сменила победная Октябрьская. Сломить ее поднялись бывшие генералы и памятный Деникин в том числе. Генералы не спрашивали у рабочих, хотят они идти за их дело или не желают. Гнали силой.

Мишин тогда был старостой артели. Мишинскую артель деникинцы мобилизовали, посадили на свой бронепоезд и везли, заставляя ремонтировать пути. Мишин тогда был моложе, все протестовало в нем, да и артель не очень-то хотела служить белогвардейщине. Однако, на фронте разговаривать не полагается. Да и какие могут быть разговоры, если работаешь под дулом!

Молчал Мишин. Затаив злобу, помахивала его ремонтная артель. И так же молча вся артель, вместе со старостой, при первом же удобном случае перебралась на сторону красных. И до самого конца гражданской войны в прифронтовой полосе не за страх, а за совесть работала артель Мишина, помогая Красной армии.

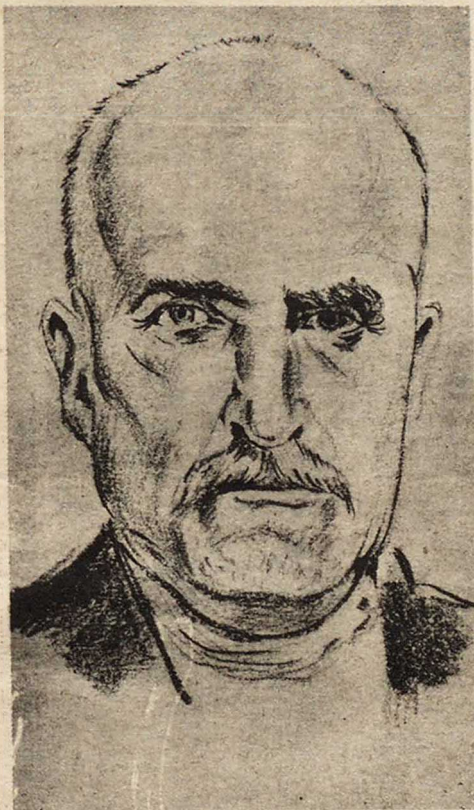
О себе Мишин написал:

„Родился в 1877 г. Работал рабочим, старшим рабочим и артельным старостой на Ектер. ж. д. В 1905 г. выполнял поручения Гришинской боевой дружины, сопровождал вооруженные отряды от ст. Ново-Бахмутовка до ст. Батманка, докладывая о состоянии мостов. При наступлении деникинских войск был мобилизован на

бронепоезд для исправления пути с артелью рабочих. Вместе с артелью перебежал на сторону красных и работал в прифронтовой полосе до окончания войны.

„К 1 мая 1931 г. премирован грамотой. Арт. стар. ст. Ясиноватая Ек. ж. д. Мишин“.

— Дело минувшее, — подумал Мишин, сидя над чернильницей. — Стоит ли об этом распространяться? Сейчас поважнее работа есть, о ней и следует поговорить. Чего там в историю забираться! Напишу-ка я лучше в редакцию о том, как надо, по моему мнению, работать, как надо путь в аккуратности держать.

М. В. Мишин

И, взяв ручку, Максим Васильевич обмакнул ее в синие чернила, потом стал выводить на листке бумаги:

„Улучшить качество работы и снизить себестоимость. Нужно организованно воспитать артель рабочих и восстановить трудовую дисциплину. Работу надо вести планомерно, изжить потерю времени. Держать путь в исправности, строго следить за разгонкой зазоров и укреплять против угона, так как угон сильно расстраивает путь.“

„Укрепление зависит от балластного слоя. При мягком балласте укрепления распорками необходимо добавлять забивки свай.“

„Борьбу со снежными заносами надо вести так: сначала делать установку щитов от гребня. Выемки делать на расстоянии 50 метров. При появлении сильной метели ставить вторую линию щитов на расстоянии 20 метров от первой линии. И еще от второй линии к пути на расстоянии 20 метров делать снежный вал, чтобы таким путем строго следить за перестановкой своевременно щитов.“

„В выемках, где имеются близко к пути кавалеры, нужно щиты устанавливать не

на кавалерах, а сзади их, на расстоянии 20 метров от кавалера“.

Максим Васильевич отнял руку от бумаги, положил перо и решил про себя, что написал достаточно.

Вот уже шесть лет работает он на станции Ясиноватая, Екатеринбургской железной дороги, и благодаря своей опытности и активности все время содержит свой участок в образцовом порядке. По крайней мере все знают, что на участке Мишина не бывает ни одной задержки поездов по причинам заносов. Пассажирам не приходится томиться там в буран, грузы не будут простаивать.

А почему — об этом он рассказал в своем письме. Рассказал, как надо устанавливать щиты, как делать снежный вал, словом передал все известные ему способы для установки, оберегающей поезд от опозданий во время снежных бурь.

Может быть не совсем подробно и четко рассказал, ну что-ж! Кто осудит старика Мишина, если он не привык, да и не умеет особенно много распространяться на бумаге, потому что большого образования не получал. Так, болтался в детские годы в сельской школе.

О том, что его артель ударная, Мишин не написал ни слова. Скромность героя: никакой похвалы самому себе. Между тем, если на других участках случается задержка поездов, ударная артель Мишина — это скорая помощь. Ее немедленно перебрасывают на другие участки, и она во главе со своим старостой делает так, что вновь по рельсам плавно мчатся составы.

Мишин ни слова не написал о своей работе вне служебных обязанностей. Между тем (об этом знают по всей дороге), он — активный общественник, подающий пример молодежи.

В последней строчке своего коротенького письма Максим Васильевич упоминает: „К первому мая 1931 года премирован грамотой“, но ни слова о том, что он награжден советским правительством орденом Ленина.

Подлинными героями не замечают, в чем их заслуги. Герой трудового фронта, старик Мишин видит в своей работе повседневную будничность, знает, что честно делает свое дело, но не замечает во всем этом и доли героизма. Потому и письмо его так лаконично и скупо.

Говорят, что со стороны виднее. То, чего не замечал Максим Васильевич, заметила советская общественность и сообщила своему единственному в мире правительству, умеющему ценить тяжелый кропотливый труд рабочего человека.

Мишин награжден орденом Ленина.

И если он, в силу своей скромности и неумения владеть пером, не может рассказать армии советских рабочих о себе и своей работе, во весь голос за него должны сделать это товарищи из другого цеха — литературного, художественного, кинематографического.

Письмо Мишина и некоторые сведения о нем помогли нам набросать лишь легкую карандашную зарисовку. Следует же написать с Мишина большой четкий портрет, чтобы он во весь рост предстал перед рабочим классом. Чтобы на Мишина — одного из лучших ударников нашей страны — являлись равнение бойцы единого фронта пятилетки.

Макс Поляновский

Один французский интервьюер как-то спросил Бернарда Шоу:

— Не можете ли вы рассказать об этапах вашей эволюции?

На это Шоу ответил:

— Я не эволюционирую. Я человек, а не амеба.

Шоу, как известно, парадоксалист. О нем принято говорить, что для красного словца он не пожалеет родного отца. Так было и в данном случае.

Шоу все же проделал некую эволюцию. Недаром английская критика намечает три периода в его творчестве: первый—когда его не замечали, второй—когда его ругали, и третий—когда его стали хвалить.

Одно правильно: Шоу, выходец из буржуазной семьи, за долгий путь своего творчества оставался верен себе в том отношении, что он являлся всегда идеологом радикальной, мелко-буржуазной интеллигенции.

Шоу—самый острый и самый остроумный писатель Англии, он один из самых режиссеров оппозиционеров существующему капиталистическому строю. Он издевался над общепризнанными ходячими буржуазными добродетелями и истинами. Как писатель комедийный, он пользуется всегда один и тот же прием: он вызывает в зрителе или читателе смех тем, что предлагает его вниманию перевернутые истины, обратные „общие места“.

Вы привыкли к легенде о Дон-Жуане, севильском обольстителе, жертвой которого становятся десятки и сотни женщин, а вот я вас удивлю,—говорит Бернард Шоу.—Мой Дон-Жуан—наоборот: жертва десятков и сотен женщин, которые набрасываются на него в порыве чувственности („Человек и сверхчеловек“).

Вы, дорогие читатели буржуа, привыкли, что ваши женщины—нежные, неземные создания, пригодные только для любовных ласк. А я вам покажу девушку, которая сама зарабатывает себе деньги на жизнь службой в конторе или еще какой-нибудь работой, которая—о ужас!—одна заходит в ресторан, выпивает там стакан виски, без всяких плохих намерений знакомится с понравившимся ей мужчиной и даже вызывает полицейского на бокс („Первая пьеса Фанни“).

Вы, многоуважаемые аристократы, считаете, что надо родиться со светскими манерами и безупречным английским выговором, а я,—говорит Шоу,—докажу вам, что это условность: в короткий срок профессор фонетики Хиггинс делает из простой уличной девушки великосветскую львицу (комедия „Пигмалион“).

На таком материале, поражающем зрителя своей парадоксальностью и неожиданностью, Шоу строит свои многочисленные пьесы. Сперва они не находили себе сбыта. С большим трудом ему удавалось пристраивать их в маленьком полуприбыточном театре. Критика в ужасе называла „краснейшим из красных“ Шоу, который начал с того, что выступил с памфлетами против устоев буржуазного строя, вплоть до того, что требовал, читавший Маркса, национализации частного имущества. Не долго длился этот опасный, с точки зрения буржуа, период. Еще не исполнилось строителю протестанту и тридцати лет, как мы его видим уже одним из создателей знаменитого „Фабриканского общества“, типично реформистского и постепенного объединения мелкобуржуазной английской интеллигенции. Весь свой бурный темперамент Шоу употребил на то, чтобы обогатить гнусность и пороки буржуазного строя. Но, называя себя социалистом, Шоу ни в какой мере не яв-

лялся и не является последователем марксизма, указывающего точно и четко пути избавления от капитализма. Шоу—вовсе не приверженец революционного переворота. Он против диктатуры крупной буржуазии, потому что она угнетает, его широкой индивидуальности тесно в рамках буржуазного строя. Но он точно так же против диктатуры пролетариата. Ему кажется, что вожди пролетариата—люди,

Бернард Шоу в Москве. Фот. Н. Коноплева

впадающие в другую крайность, односторонние и также мешающие развитию личности. Этот остроумнейший и умнейший английский писатель при всей своей жажде истины и справедливости, которым он хочет служить, не может вырваться из железного круга своего класса и того общественного порядка, в котором он живет.

И так как Шоу—только агитатор за постепенную ломку старых традиций, верований и предрассудков, а не революционер, зовущий пролетариат к борьбе, то буржуазия легко мирится со его остроумными, едкими и желчными нападениями.

У Бернарда Шоу есть большая сила отрицателя, низвергателя основ. Но он оказывается несравненно слабее, когда он начинает высказывать свои „положительные идеалы“. Про него верно сказал В. Фриче, что он не верит ни в правду прошлого, ни в правду будущего, что он растрачивает свои убеждения на софизмы и парадоксы.

Характерно, что Шоу, изображая в своих произведениях социалистов—Трифузиса в романе „Несоциальный социалист“ или Джона Теннера в пьесе „Сверхчеловек и человек“, относится к ним слегка иронически и выставляет их хотя и гневными противниками существующего строя, но не борцами против него. Шоу до некоторой степени рисует здесь свой автопортрет. И он тоже только саркастически настроенный насмешник и остроумец, ведущий критику буржуазного общества только в пределах этого общества.

Типичный эволюционист и фабианец, Шоу никогда не изображает в своих произведениях борьбу классов и почти не выводит среди сонма своих персонажей подлинных пролетариев. Он верит в неправ-

ление человечества путем эволюции, он строит утопические проекты биологического подбора достойных особей мужского и женского пола для создания совершенного человеческого рода. Он закрывает глаза на социальные противоречия, которыми кишит капиталистический мир, и пытается доказать в предисловии к пьесе „Назад к Мафусайлу“, что долговечность—спасительное средство от этих социальных противоречий. Привыкший рисовать карикатуры, Шоу предпочитает быть проповедником в костюме скомороха и легко и пикантно отшучиваться от сложнейших проблем современности.

В своей пьесе „Майор Варвара“ Бернард Шоу высказывает мнение, что политическая власть должна находиться в руках либеральной буржуазии и буржуазной интеллигенции. „Просвещенные капиталисты“ должны повести страну по пути постепенного вращивания лучшей части рабочего класса в буржуазию.

При таких общественно-политических взглядах Бернарда Шоу естественно то двойственное отношение, которое он проявляет по отношению к Советской стране.

Он приветствовал рождение нового мира из пепла царской России, и когда в Англии буржуазная печать травилась большевиков, Шоу выступил ярким защитником русского пролетариата и Ленина как его олицетворение (в 1921 г.). Под влиянием Октябрьской революции в нем произошел сильный сдвиг влево. „Я устал,—признается он,—наблюдать, как рабочие и социалисты Запада стараются со страшными усилиями втащить камень на вершину, а он каждый раз скатывается вниз.“

Камень потому постоянно скатывается вниз, что мы не работаем практически способом, как это делает Ленин“.

Но временами в нем рождались сомнения, просыпался старый фабианец, и тогда он объявлял строительство социализма утопией и считал, что проповедник эволюционной теории Уэллс выше, чем Маркс, чье учение „уже устарело“.

За последние годы Шоу особенно четко выявил себя другом СССР. Он резко выступил против церковников, призывавших к „крестовому походу“ против рабочекрестьянской страны, он приветствовал пятилетний план и его успешное осуществление объяснял подъемом трудовых масс. Своим острым умом Шоу осознавал разницу между двумя хозяйственными системами—нашей и капиталистической. „Такой план невозможен в Англии или Америке, так как рабочие знают, что их усилия означали бы лишь более высокие прибыли для лентяев, сокращение продолжительности жизни и потогонные условия труда для самих рабочих“.

И из всех этих дружелюбных к нам настроений—вывод: „Я не могу умереть, не побывав в Советском союзе“.

И вот Бернард Шоу был здесь, в сердце СССР, в красной Москве, в колыбели Октября—в Ленинграде. Даже при неутомимой энергии, при пламенном темпераменте немного увидишь за несколько дней.

Но зато многое мог понять и почувствовать за эти немногие дни такой живой, остроумный и честный наблюдатель, как наш знаменитый гость.

И если он понял и почувствовал, что выход для человечества один—путь к социализму, то это приведет Шоу к последнему и самому замечательному этапу его эволюции—тому, к которому недавно пришел наш старый друг Рене Роллан.

„Спасают“ Германию. Финансовая катастрофа, разразившаяся над Германией, вызвала большое волнение в стане мирового капитализма. Кредитно-валютный кризис, массовые банкротства, кризис денежной системы охватил Центральную, Восточную и Юго-восточную Европу. Французский империализм воспользовался германским кризисом, чтобы принудить германскую буржуазию к капитуляции. Во время свидания

рейхсканцлера Брюнинга и министра дел Курциуса с английским министром дел Гендерсоном, американским министром иностранных дел Стамсоном и французскими министрами шел торгов „дене спасения“. После парижского свидания министров происходила лондонская конференция, не давшая Германии ничего, кроме маленькой передышки в виде продления кредитов, предоставленных Рейхсбанку. Нет сомнения, что Брюнинг пойдет на соглашение с Францией, и при этом САСШ и Англия попытаются заработать на германской капитуляции под благодарным презрением „смягчения“ французских условий и спасения чести германской буржуазии.

На снимке: германские мини-тры Брюнинг и Курциус в Париже, в министерстве внутренних дел. С германскими министрами — Лаваль, Фландер и др. члены французского кабинета министров.

Имения социал-фашистского панифизма. В Лондоне состоялась „демонстрация за всеобщее разоружение“, организованная... английскими буржуазными партиями. В огромном помещении Альберт-Холл с панифизмскими сладкими речами в торговательном единодушии выступили лейборист Макдональд, лейборист Ллойд-Джордж и консерватор Болдуин. Все они „мечтают“ о „великом мире на земле“, являясь на деле в одинаковой мере представителями империалистической политики Англии. За пребывание у власти „рабочая“ партия достаточно проявила свои империалистические тенденции хотя бы в области колониальной политики. Коммунистическая печать разоблачила перед тру-

дящимися лейбористскую и буржуазную демагогию, выявляя настоящее лицо политики социал-фашизма и фашизма.

На снимке — „мирная демонстрация“ лондонских панифистов.

„Социалисты убивают рабочих“. Революционное движение в Испании растет. Революционные рабочие все больше отделяются от „демократических иллюзий“, навязанных им социал-фашистами и республиканцами всех видов и мастей. Политика белого террора, последовательно проводимая республиканским правительством, действует отвращающе на те слои пролетариата, которые до последнего времени находились в идеологическом плену у буржуазии и ее прихвостней. Недавно в испанской учредитель-

разыгрался скандал, весьма показательный для революционных настроений, царящих в стране. Депутат Сориано обрушился на председателя урядилки, социалиста Бестейро, за то, что тот не хотел ответить на запрос о положении рабочих, арестованных в Севилье за революционные выступления. Сориано, обращаясь к Бестейро, воскликнул: „Социалисты убивают рабочих“. Эта реплика вызвала большой шум в зале заседаний.

На снимке: председатель испанской учредилки социалист Бестейро.

Германский комсомол за работой. В настоящий момент, когда над Германией нависла опасность катастрофы и когда капитализм трещит по всем швам, германский комсомол развивает усиленную деятельность, разъясняя рабочей молодежи подлинное положение вещей и указывая ей на единственный действительный вы-

ход из катастрофы, на которую капиталистическая система обречена миллионы массы трудящихся.

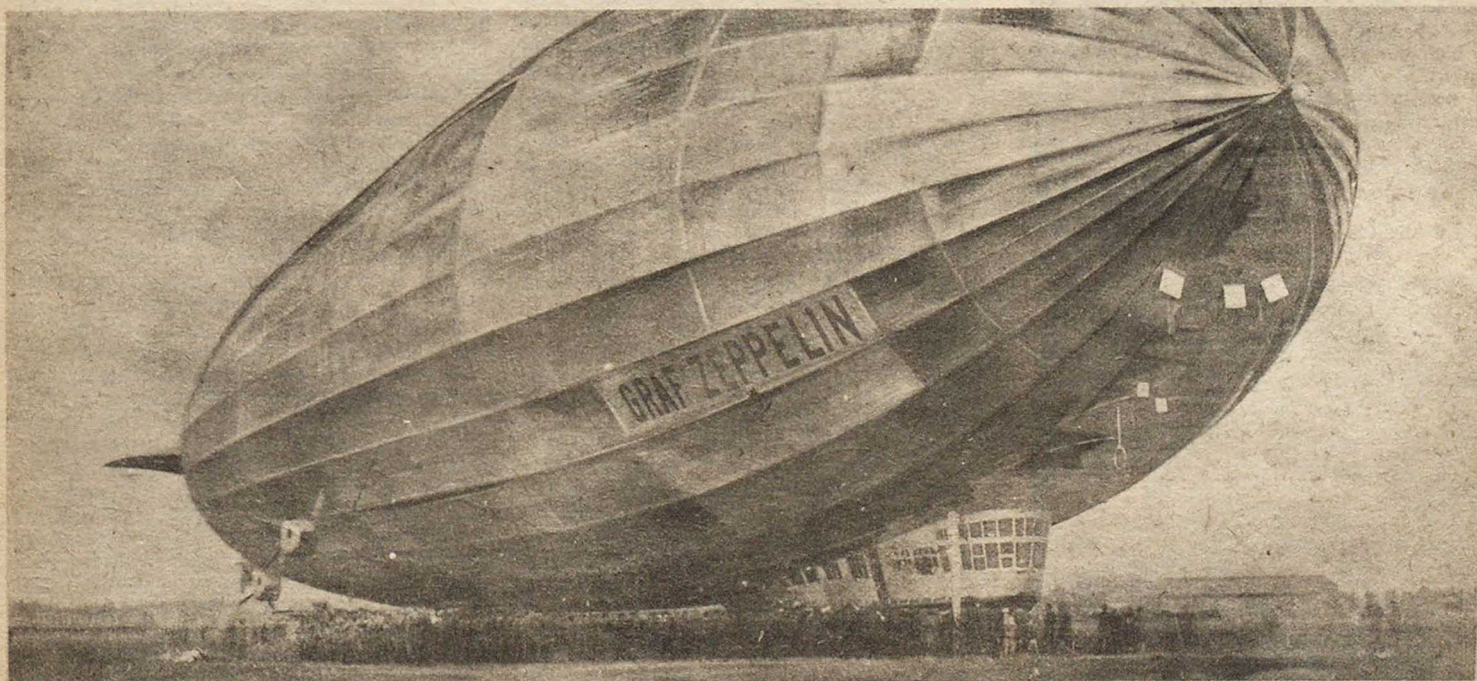
На снимке: комсомольская агитгруппа раздает литературу берлинским рабочим.

Колхозники-якуты в Москве. В Москву прибыла колхозная делегация Якутии для получения инструкций в Колхозцентре. На Москву якуты отправляются в ряд лучших колхозов и совхозов РСФСР для ознакомления с их работой.

На снимке: якутские колхозники у карты совхозов и колхозов СССР.

АРКТИЧЕСКИЙ ПЕРЕЛЕТ „ЦЕППЕЛИНА“

Огромный германский дирижабль „ЛЦ-127“, совершивший полет в Арктику, сделал остановку в Ленинграде. Научной частью экспедиции руководил проф. Самойлович, на борту дирижабля находились еще несколько советских ученых.

Дирижабль показался над Ленинградом 25 июля, в 8 час. 15 мин. вечера. На коммандантском аэродроме в ожидании прилета „Цеппелина“ собрались представители облисполкома, академики, научные работники и корреспонденты советской и иностранной печати. Навстречу дирижаблю вылетели советские самолеты, составлявшие его почетный эскорт. Под звуки оркестров и оваций многотысячной толпы „Цеппелин“ описал круг над аэродромом. Операция спуска прошла очень плавно благодаря распорядительности швартовой команды. Из окон гондолы руководитель перелета доктор Эккнер, проф. Самойлович, Молчанов и другие участники перелета приветствовали собравшихся. После кратких речей, произнесенных встречающими представителями советской общественности, и отрывочной речи д-ра Эккнера состоялось совещание о дальнейшем маршруте дирижабля.

26 июля, около 11 час. утра, состоялся отлет „Цеппелина“ из Ленинграда. Главная геофизическая обсерватория установила непрерывную радиосвязь с дирижаблем и семь раз в сутки давала на „Цеппелин“ сведения о состоянии погоды.

На дирижабле „ЛЦ-127“ о жаркое путешествие впервые совершалось с большим комфортом. Участники экспедиции располагали удобными каютами, научные работники были обеспечены всеми условиями, необходимыми для спокойной работы. На обратном пути из-за неблагоприятных атмосферических условий „Цеппелин“ в Ленинграде не спускался.

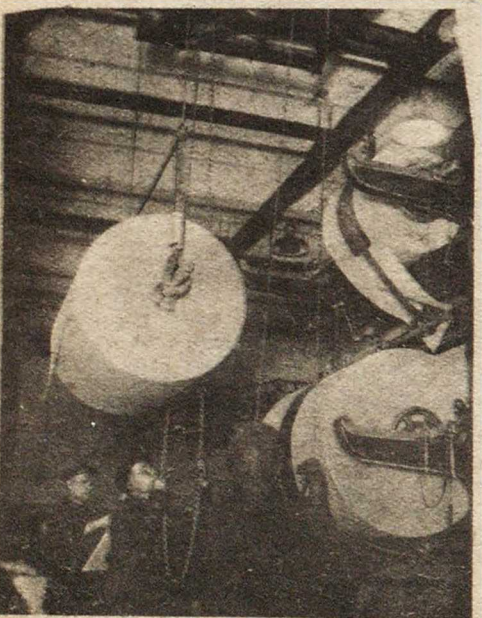
На снимке: дирижабль „ЛЦ-127“ в Ленинграде.

Балахнинская бумажная фабрика. Упаковка бумаги. Фот. А. Шайхета

На Каменской бумажной фабрике. Размешивают бумажную массу. Фот. С. Фридлянда

Типография «Известий». Механическая подача рулонов бумаги на ротацию. Фот. А. Шайхета

БУМАГА

ЧЕГО ТРЕБУЕТ ОТ НЕЕ ПЕЧАТЬ И ЧЕГО ОНА ТРЕБУЕТ ОТ ПЕЧАТИ

Статья Я. Гиршгорна

«Осуществляя требования советской власти, рабочие будут в свою очередь требовать от нее выполнения ее обязательств по дальнейшему улучшению материального и культурного положения рабочих», — так определяет тов. Сталин в своей речи на совещании хозяйственников новые задачи удовлетворения рабочих нужд, связанных с новым, грандиозным размахом хозяйственного строительства.

Одной из основных предпосылок для осуществления поднятия культурного уровня рабочих является бумага, — это основное сырье для всей печатной продукции — книг, журналов и газет. Всякий прорыв в выработке бумаги, так же как и общий недостаток бумажных ресурсов в стране является волей-неволей сдерживающим лимитом развития культурного обслуживания трудящихся масс. Разрыв между потребностями в печатном социалистическом слове и его материально-технической базой (бумага и полиграфия) определился уже давно и вытекает из того своеобразного положения, которое эти отрасли промышленности занимали еще в дореволюционной России и которое, несмотря на свой гигантский рост, занимают еще и поныне. Основной капитал бумажно-полиграфической промышленности в дореволюционное время, как об этом пишет тов. Эвентов в своей работе «Иностранный капитал в русской промышленности», составлял в 1890 г. 11,4 млн. рублей, а в 1916 г. — 75 млн. рублей, из коих свыше 1/3 составлял инвестиционный иностранный капитал. Эти цифры сами по себе с достаточной наглядностью характеризуют, насколько царская капиталистическая Россия не развивала эти отрасли промышленности.

Октябрьская революция решительно двинула вперед развитие бумажной промышленности и печатание литературы. В 1927/28 г. основной капитал по полиграфии уже достиг почти 90 млн. рублей. За последние три года мы имеем его дальнейшее значительное увеличение.

Если все производство бумаги старой России в 1913 г. составляло 392 тысячи тонн, а в 1919 г. это производство пало до 29,4 тыс. тонн, то уже к началу пятилетки наше собственное производство всех сортов бумаги составляло 321,5 тыс. тонн. В третьем, решающем году пятилетки производство бумажной промышленности должно дать 611 тысяч тонн.

Во всей выработке бумажной промышленности удельный вес культурных сортов бумаги — газетной, печатной и писчей — в 1927/28 г. составлял только 28%. В борьбе за максимальное увеличение печатного слова из года в год поднимается удельный вес выработки этих сортов, и в 1931 г. мы уже достигли около 55% удельного веса против замеченных к концу пятилетки 50%.

Общее отставание в развитии бумажной промышленности по сравнению с целым рядом отраслей даже легкой индустрии привело к тому, что мы в течение прошедшего ряда лет должны были ввозить бумагу извне на значительные суммы. Начиная с 1924/25 г. и по нынешний год, т. е. за шесть лет, на импорт бумаги было затрачено 91 млн. золотых рублей.

Пятилетка печати предусматривала потребность в культурных сортах бумаги на последний год пятилетки в количестве 577 тыс. тонн. Это должно было обеспечить рост газет от 8,8 млн. разового тиража до 28 млн., рост книжно-журнальной

продукции — от 2.158 млн. листов-оттисков до 6.265 млн. листов-оттисков.

При каких же ресурсах у нас идет осуществление этого плана?

Вряд ли известно широкой пролетарской и советской общественности, что против потребных для осуществления пятилетки по газетной продукции 277 тыс. тонн бумаги мы выполнили газетную пятилетку в два года при значительно более скромных ресурсах. Уже к концу 1930 г. наша газетная сеть тиражировала свыше чем 28 млн. экземпляров, а в 1931 г. газетная продукция, принимая во внимание в особенности рост нового отряда печати в лице районных газет, достигает около 35 млн. экз.

Количество газет, составлявшее к началу пятилетки около 600, в настоящее время составляет примерно около двух тысяч, не считая всей низовой печати: фабрично-заводских, вузовских, колхозно-совхозных и др. газет, которых мы насчитываем около полутора тысяч.

По книжной продукции мы имеем в 1931 г. выпуск 5.145 млн. листов-оттисков только по одной печатной бумаге. Фактически же еще используются и другие сорта бумаги, в частности газетная, для календарей, писчей бумаги и др., и все вместе дает не менее 5.800 млн. листов-оттисков. В этом году мы не заканчиваем пятилетку по книжно-журнальной продукции только на 6%. А ресурсы наши по бумаге значительно меньше норм, исчисленных по плану.

Не «чудесами в решете» объясняется выполнение пятилетки печати при таких скромных ресурсах основного сырья для печати, а тем, что мы сумели за счет максимального использования каждого листа бумаги и за счет решительнейшего сокращения потребления бумаги на второстепенные цели дать максимальный эффект в сторону общего увеличения выпуска печатных произведений. Тут мы должны были, конечно, сократить и периодичность, и форматы, и объем газет, книг и журналов, более экономно оформлять издания. Но, несмотря на это, мы еще в большей степени ощущаем острый недостаток во всех отраслях печатной продукции.

Существующее положение в бумажной промышленности настолько не обеспечивает потребностей роста печати, настолько отстает от общих народно-хозяйственных темпов, что вызывает большую тревогу за дальнейшее развитие печати. До сих пор ВСНХ уделял недостаточно внимания развитию бумажной промышленности.

План ВСНХ предусматривал капитальное строительство бумажной промышленности в первую пятилетку на 268 млн. рублей против принятых Госпланом 474 млн. рублей. На самом деле за три года капиталовложения в бумажную промышленность составляют еще 125 млн. рублей. Не осуществляется даже та минимальная программа культурного строительства, которая была принята и исчислена самим же ВСНХ. И это проводится уже после того, как XVI съезд партии в своей резолюции о развитии бумажной промышленности особым пунктом подчеркнул важность развития культурных отраслей промышленности, как бумага, полиграфия и т. д.

Фактическое руководство бумажными фабриками отсутствует. Союзбумага поставила исключительно бюрократическое управление фабриками, ликвидировав все промежуточные территориальные тресты.

«Понятно, что председатель объединения, имеющий дело с сотней и больше фабрик

не может по-настоящему знать эти заводы и их возможности, их работы» (Сталин). Разве это определение не может быть отнесено целиком к Союзбумаге с ее сверхцентрализованной системой руководства производством. А привело это к тому, что целый ряд фабрик имеет прорывы и просто буквально из-за мелочей.

Возьмем примеры невыполнения плана по отдельным фабрикам хотя бы за май. Зировьевская фабрика — прорыв на 10,2% вследствие неудовлетворительной работы четвертой машины, низкого качества древесной массы; Окуловская фабрика — прорыв на 7,8% из-за недостатка древесной массы; фабрика «Пятилетка» — прорыв на 30,2% из-за отсутствия макулатуры, фабрика «Красная Горбатка» — прорыв на 50,3% тоже из-за недостатка макулатуры в то время, когда заготовительные склады в Ленинграде и Москве ломятся от макулатуры. Выполнение и перевыполнение плана за май мы имеем только по 14 фабрикам из общего числа 66. И это объясняется не хорошей работой Союзбумаги, а другими причинами. Например, фабрика им. Николаева перевыполнила свой план за май только потому, что ремонт, который был предусмотрен Союзбумагой по плану на май, фактически был произведен ранее, Красногородская фабрика — опять-таки потому, что ремонт второй машины отсрочивается и т. д.

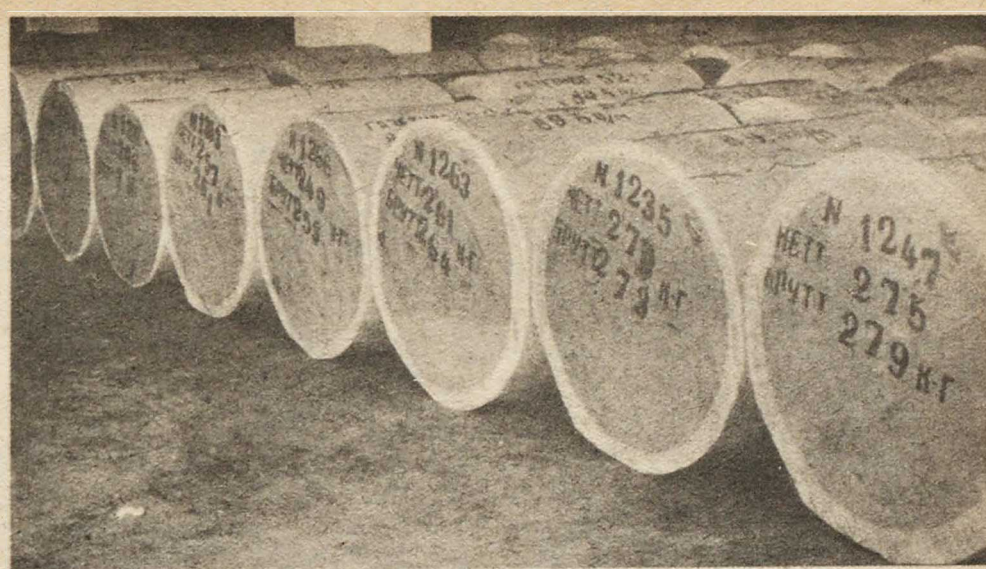
На фабриках получается много брака, который не используется должным образом, а между тем отходы бумаги могут дать новые тысячи тонн прекрасной бумаги не менее, чем из 70—80% общего количества отходов. К сожалению, издательства и типографии ссылают эту работу, не сдают срыва, хищнически используют его на всякие посторонние дела. Так, по одной только Москве издательства и типографии за 1930 г. не сдали 1.350 тонн срыва, что могло дать 750 тонн нормальной газетной бумаги и составило бы годовую норму 205 районных газет.

Выработка культурных сортов бумаги за счет сокращения некультурных сортов бумаги может дать еще большие возможности для печати. За 1930 г. выработка некультурных сортов составляла 308 тысяч тонн, в 1931 г. она увеличивается на 12 тысяч тонн, а в 1932 г. предполагается увеличение выработки еще на 45 тысяч тонн. Это само по себе говорит о тех скрытых резервах, которые имеются в бумажной промышленности. Проекты по переводу машин на выработку культурных сортов бумаги Союзбумага рассматривает очень неохотно.

Всякое увеличение выработки культурных сортов связано с увеличением потребности в основном сырье — древесине и целлюлозе. Выход — в экономном расходовании сырья и увеличении сбора макулатуры.

Резервные возможности получения этого вида сырья, могущего заменить и целлюлозу и древесную массу, почти еще не тронуты. Детально разработанная программа частичного перевода третьей машины Ростовской бумажной фабрики на выработку культурных сортов бумаги не получила своего одобрения в Союзбумаге. Такое же явление мы имеем и по Горбатовской фабрике, которая могла бы быть переведена целиком на выработку культурных сортов.

Своеобразное преломление получило в Союзбумаге и проведение директивы партии о хозрасчете. Союзбумага считала нужным проводить это таким образом, чтобы до вступления в силу новых договоров не ста-

Ролловая бумага

вать по старым договорам бумагу издательствам. Затем Союзбумага закрепила по договорам гораздо меньшее количество бумаги, чем оно должно быть сработано по ее производственной программе, и переложив ответственность за отгрузку бумаги непосредственно на фабрики, сама устранила себя от фактического руководства и контроля над выполнением заказов. В результате, реальное обеспечение издательств бумагой настолько разнится от планов, что мы рискуем в этом году очутиться перед срывом выпуска самой нужной учебной, политической и технической массовой литературы.

Необходим решительный перелом в работе бумажной промышленности, начиная от капиталовложений и кончая самой системой управления.

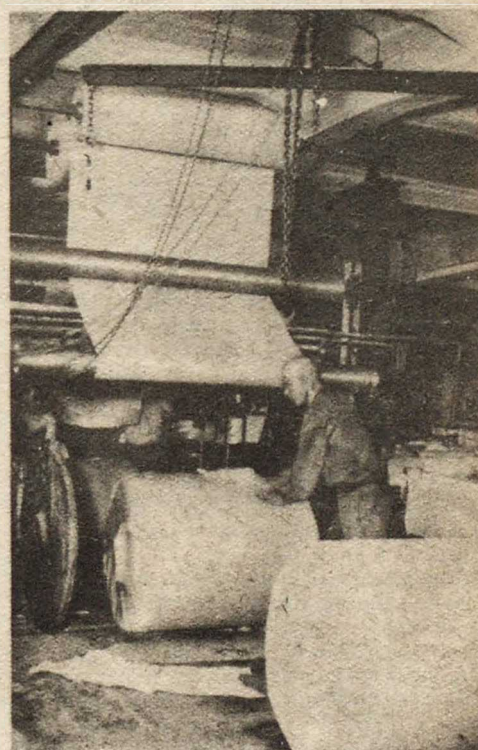
Но бумажная промышленность может также предъявить контрсчет своих требований к издательской промышленности. Разве у нас обеспечено 100%-е использование сотен тысяч тонн бумаги на действительно культурно-политическое обслуживание страны? В издательской промышленности еще не все обстоит благополучно.

Недавно еще на страницах печати прошла дискуссия об экономном формате бумаги, об экономном оформлении книжной и журнальной продукции, о создании таких предпосылок, при которых можно сэкономить значительный контингент бумаги для учебников и массовой литературы.

Посмотрим с цифрами в руках, есть ли возможности для экономии, или же таковые совершенно немалы. Возьмем хотя бы план ОГИЗа. ОГИЗ при установленном ему листаже в 3.400 млн. листов оттисков в 1931 г. потребляет почти 60% всех имеющихся ресурсов печатной бумаги и является ведущим в части выпуска книжно-журнальной продукции во всем Союзе.

ОГИЗ по своим контрольным цифрам на 1931 г. предусматривает к списанию в макулатуру на 11 млн. продукции этого года и увеличение остатков литературы еще на 8 млн. рублей. Принимая во внимание систематическое запаздывание выпуска литературы, отставание выпуска литературы, в особенности массовой, от текущих потребностей, всякое увеличение товарных остатков неминуемо связано с обесценением и омакулатуриванием.

По этим только двум небольшим частям контрольных цифр ОГИЗа на 31-й год мы видим заранее санированное заговаривание 530 млн. листов-оттисков, что составляет 16% всего годового производственного плана или около 10.000 тонн бумаги. Разве это не слишком дорогое удовольствие при наших бумажных ресурсах?

На Балахнинской бумажной фабрике. Бумага в рулонах

Если обеспечить реальное осуществление минимальной рационализации при потреблении бумаги только в одном ОГИЗе и увеличить емкость печатного листа до 45 тыс. авторских печатных знаков против 42,2 тысяч, принятых ОГИЗом, то только это одно мероприятие может реально обеспечить увеличение книжной продукции еще не менее чем на 200—225 млн. листов-оттисков.

Скрытые возможности и скрытые внутренние резервы и в бумажной и в издательской промышленности далеко еще не исчерпаны и позволяют значительно увеличить масштаб работы по выпуску книг, газет, журналов для удовлетворения возросших культурных потребностей рабочих.

Для этого мы должны только иметь ту самую решимость, ту волю к труду и ту готовность работать по-новому, к которой нас призывает тов. Сталин. Этой решимости в культурной промышленности во всех ее звеньях найдется достаточно и, перестроив свою работу по-новому, мы с этими задачами должны справиться к условно их выполним.

Я. Гиршгорн

К ПРИЕМКЕ ИНВЕНТАРЯ

Очерк Л. Эльберта

Справедливо ли ниже следующее разрешение вопросов городского хозяйства?—В августовский вечер, с крутых пропелсневших сточных улиц, из тухлых углов дополнительной эксплуатации спустились на сияющий проспект люди в шарфах и кепках. Стекла, высотой в шесть метров, опрокидывали ведра света из кабаков и расфранченных магазинов. В цветное, раздушенное поголовье бульварного скота вошла черная и негодующая толпа. Стало серьезно и осмысленно. Толпа занялась прямым делом. Примяв зеленые насаждения, она рвала прутья и железные цветы бульварной изгороди. И, зажавши в кулак полосу с чугунной розой, ударяла в богатейшие стекла. Моментально возникала на стекле ответная роза из трещин. То были

Здесь продается квас

современные крепкие пороховые розы. Чей-то правильный камень привел к гробовому молчанию болтающий светом фонарь. Тогда в порядке координации, пропустив синие стрелы аварии по проводам, застопорила энергию электростанция,—забастовала. Неестественно освещенная ночь стала простой, деловой ночью. Без излишних украшений—как подобает боевым ночам нашего времени. Товарищи по-марксистски и в точку разрешали вопросы городского хозяйства в условиях буржуазно-капиталистического господства...

Советская власть поставила городское хозяйство на службу пролетариату. Мы отстреляли свое по фасадам, стеклам и фонарям. Более десяти лет революция перераспределяет жилой фонд, воду, электричество и средства передвижения, наводя коммунальную справедливость. С обещавшихся светом Петровок и Кузнецких сняли излишки и отдали окраинам. Потянули новую, веселую медь в безрадостные, в бессветные строения. Пятьсот молодых домов стали вокруг московских заводов. Рабочие сели в горячие ванны, отмывая производственную пыль. Во вновь отстроенных комнатах светло, окна широки; солнце крепит пролетариев. В подмосковные поля и леса пошли дополнительные трамваи и автобусы. Но все это, конечно, начало. Уровень социального и промышленного развития позволяет, требует большего.

Разнородный, брэнчащий инвентарь из водопроводных труб, трамвайных остано-

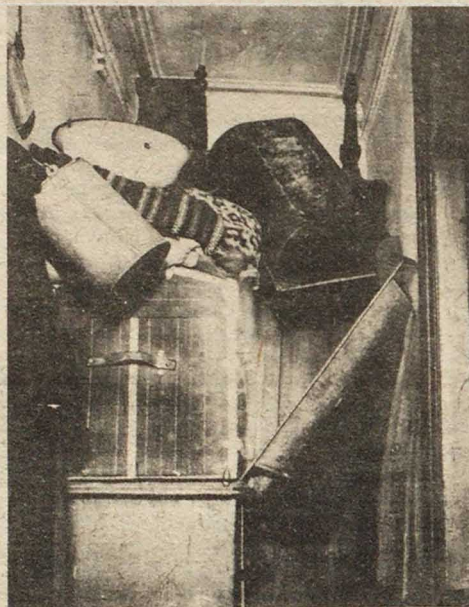
Октябрьская революция, ликвидировав буржуазно-помещичье господство, превратила городское хозяйство из средства до-полнительной эксплуатации рабочих масс в организацию обслуживания их материальных и культурно-бытовых нужд.

Советская власть поставила городское хозяйство на службу пролетариату.

Из резолюции по докладу т. Кагановича, принятой пленумом ЦК ВКП (б)

вок и асфальтовых площадей... С чего к нему подобраться?

Известно с чего. С чистоты, мойки, перетирки, бережливости. Проходить по сложной коммунальной обстановке, культурно сторонясь, где надо. Не мусорить, не обгаживать, не ломать дорогостоящих предметов общественного пользования. Жить, не

Уголок московской коммунальной квартиры
Снимки С. Шиягарова

оставлял особых следов на тротуарах, на зелени, на стенах.

Еще в апреле Московский совет решил привести в терпимый вид одну улицу города—Тверскую. Нама Тверская знаменита. Главная улица главного города большевиков. Но красотой и чистотой не сла-

вится. Кто в первую очередь делает городскую чистоту? Центральная фигура—дворник. Моссовет установил кровную связь с дворниками. Труд этого отряда,—не в пример труду металлистов и шахтеров,—был неисследован и неорганизован. Сейчас работа профессионала уличной чистоты входит в норму.

Следующий элемент—чистота фасадных стекол. На них каменела десятилетия пыль, и в магазинах было сумрачно, как в часовнях. Завмаги из лентьев выдвигали тонкие и необыкновенные соображения,—пыль продолжала каменеть. Большое собрание дворников, созванное Моссоветом, приняло решение объявить пять центральных улиц Москвы—ударными. Уличные бригады и милиция убедили завмагов,—и вот по утрам стекла умываются, сияют на солнце.

И этого недостаточно. На наших хитрых улицах глупые вывески. Текст—много-речивое, бюрократически-канцелярское заявление. Не просто „кафе“,—усталому пешеходу сообщают всю схему организационного соподчинения кафе с вышестоящими объединениями. Жесть покрашена в цвета максимально неприятные. Хуже этого—витрины. Неряшливость соединена с плевым отношением к покупателю и поразитель-

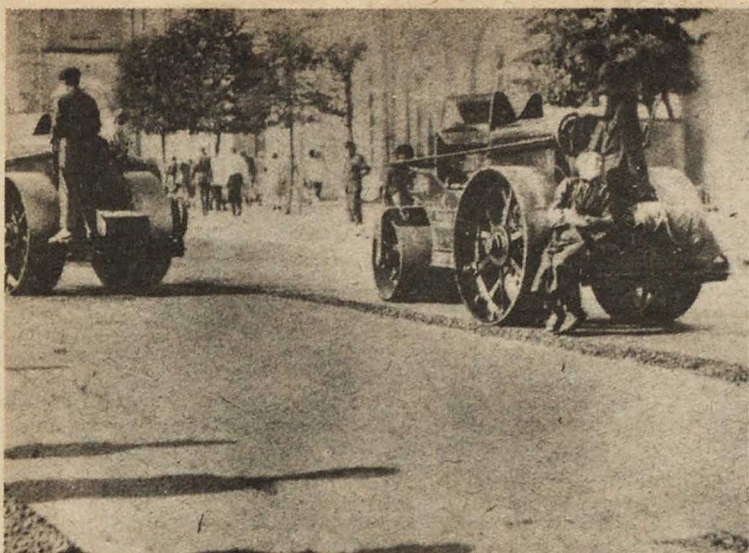

Зам. председателя Московского совета Н. А. Булгаков

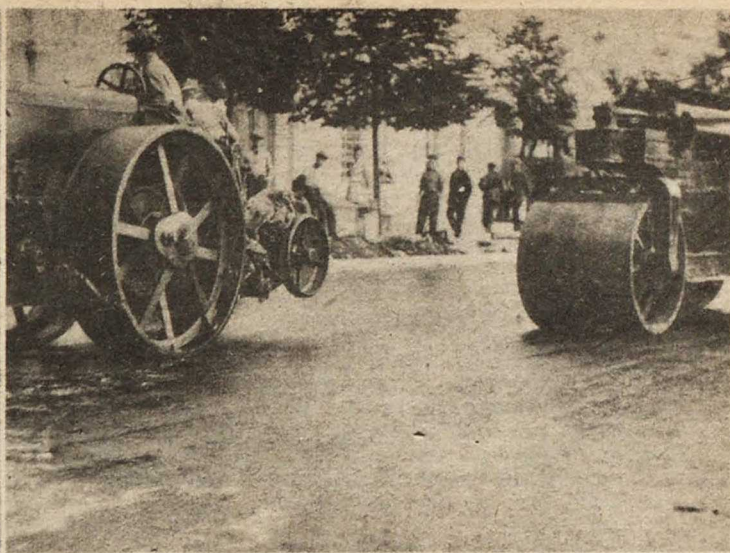

Так выглядят московские вывески

Фот. С. Шиягарова

Укатка асфальта на площади Свердлова

Фот. Н. Коноплева

ным безвкусицей. Завмагу с хорошим характером должно быть стыдно за содержимое витрин: лохмы старой бумаги, выцветшие ткани и убитые солнцем галстуки. А с плохим не стыдно... Именно поэтому на ударных улицах возник подвижной союз художников и милиционеров. Витрины—глаза, ресницы улиц,—будут красивые, хотя бы красота выросла из густых штрафов.

Москву строили самодуры. Кушам жеманно было на Столешниковом, рядом с шестиэтажным современным домом сохранять семейные усадьбы с пришибленными окошками и вольготными службами. Точно просыпали разнородную рухлядь,—церкви, большие и крохотные, будки, особнячки, сторожки и высокие дома,—всяких высот и битых линий,—такова Москва, и закрашена она в цвета взрытых постелей и одеял. Когда решено было красить ударные улицы в практичные, однотонные цвета для того, чтобы умерить разноразмерность и по возможности направить перспективу,—кто-то из старых архитекторов огорчился: „Я привык к тому, что дом у Алексея Петровича—голубой, а вы его—в серый“. Потрясать привычки во имя целесообразности—наше ремесло. Архитектор понуро отправился к Алексею Петровичу в серый,—накопляя новые привычки. И вот ударные улицы—Тверская, Кузнецкий, Петровка, ул. Дзержинского и Арбат отшелушались от старых доскутьев от жестяных лохм и розово-голубовато канареечных цветов.

Дворники, маляры, художники, упавшес и завмаги вступают в социалистическое соревнование. Уборщики моют лестницы шваброй и горячей водой, и кипятком обдают дореволюционную грязь на окнах лестничных гнезд. Не мама к празднику моет уши у детишек, не чайные чашки моет,—пролетариат Москвы, весело грохоча миллионной посудой городского хозяйства, трусит лежало и наяривает блеск на деталях житейского обихода.

Всего этого недостаточно. Недавно мобилизовано 2.000 физкультурников—легких атлетов, купальщиков, пловцов, безупречно мытых людей—на предмет приучения граждан к аккуратности на улицах и к чистому житью-бытью в квартирах. Явно сорят московские граждане. Семечек не лугают (революция убила семечки), но обязательно бумажки и окурки бросают не в урны, а на тротуар. И вот на наших

мертвый без крана самовар и древние войлоки в роях моли. Не надо вешать продукты на шингалеты, копить между окнами кульки. Не следует вешать пальто на электрический выключатель. Нужна известная квалификация для обращения с ватер-клозетной машиной. Это серьезная, жизненная машина. Водопроводная раковина тоже серьезный аппарат. В ней дырки маленькге. Ящиков и битых бутылок она не берет, не может. И наоборот, нужно шуровать полы, тряпичу втирать в стекла и включать долю солнца в медные дверные ручки. В жизнерадостной операции физкультурников—живой знак горячей жажды культурного обихода.

Скоро в Москву с застав, из парков в'едут 3.000 новых трамваев и 2.000 автобусов; из Нижнего прикатят многие тысячи авто. Фронты юных домов выстроятся новыми улицами. Сотни гектаров зелени вырвутся в центре города из-под камней, из-под околающих церквей, поезда метро вбегут под землю. Через несколько недель цветные мерцающие полосы неоновых и ртутных ламп зажгут ослепительной ночной светоагитацией Страстную и Тверскую, кольца залет асфальт. Совокупность разнокалиберных, повседневных, подвижных обоснуется в столице.

И вовсе не просто—умело обращаться с штепселями, автобусами, краями и лифтами, искусно ходить по проезжим и пешим путям, по садам и улицам.

В пределы города поступает огромный, не чужой, свой кровный инвентарь, арматура нашей жизни—сложной, культурной и удобной.

Нелегко выходить из пицеты и входить в хорошую жизнь. Научимся, войдем. Покажем людям следующих пятилетий, что многое умели: дрались недурно, воздвигали железо и не очень наследовали.

Л. Эльберт

Укладка брусчатки на Б. Дмитровке

Фот. Н. Коноплева

глазах этот поступок постепенно становится постыдным, и граждане мусорят секретно. Позорные остатки граждан, не уважающих тротуара, скопляются у трамвайных остановок, на газонах и мостовых. За ними пройдут войска чистоты, бросаая обрывки в урны и конфузы отеталых.

Физкультурные бригады посетят квартиры. Хорошие гости, приятная беседа про чистоту и умение жить хорошо. В наших квартирах—странности. Разумеется, нелегко культурно проживать в сложных, уплотненных смешанных помещениях. Но есть и безнадежное отношение к трудностям. Совершенно не надо, например, громоздить в передней труху рухнувших столов, лишенный назначения сундук,

ВЫШЛИ КНИЖКИ „БИБЛИОТЕКИ ОГОНЕК“:

Анатолий Гидаш—Улица Жасмина поет. Леонид Леонов—Родословная героев. А. Фадеев—Хунхузы. Степан Щипачев—Война войне. М. Чарный—Дорога и люди. Бор. Галин—Турбина 108. Леопольд Авербах—Две статьи. Иван Батрак—Пауки и мухи. А. Тарасов-Годионов—Светлый край. Бела Иллеш—1920 год. С. Ланцудский—Мокоты. Бруно Ясенский—Стихи. П. Павленко—Очерковые рассказы. Эрнст Глезер—Война. А. Сурков—Стихи. И. Сельвинский—Как делается лампочка. Иоганнес Бехер—Серые колонны. С. Гуров—По-своему. Эмиль Мадарас—Борьба Павла Чигайды. Ал. Дейч—Гейне и Маркс. Г. Корбельников—За партийность литературы. Натан Липман—Граница.

У „СВЯТОЙ“ ВОДИЦЫ

Очерк Г. Неймана

С котомками мы вылезаем из вагонов. Поезд ушел. Полтора человека заполнили подстанок, за минуту до того сонный и тихий.

Огромный простор полей принимает нас. Поля тянутся зеленые и теплые, перемежаясь темными полосами сосновых, березовых, дубовых лесов, обведенные серебряной речкой.

Поля полны горячей работой. Но по середине хмурое пятно: куча церквей, сросшихся, как безобразные каменные грибы. Сухопарая колокольня и просторные „кели“ обведены широкой стеной.

Это—бывший женский монастырь села Лукино, превращенный теперь в дом отдыха. Серебряная речка—Пахра. А мы—150 московских рабочих, с песнями идущие провесты дни отдыха.

Старуха Марья Харитоновна рассказала мне прошлое монастыря.

—Здесь, промеж ямщиков до огородников жили кругом кустари. Точили из дерева всякие штуки, бабы вышивали. А все попадало в лапы живоглота Жолобева, богатого купца. Кустари по полдня без шапок ждали во дворе, пока приказчик вынесет мелочь. А под конец Жолобов ухнул свои деньги на монастырь.

Кустари голодали, а Жолобов на их деньги выстроил огромную бесполезную махину. Гладкие камни крепостных стен поглотили много средств. Помогало царское правительство. Ведь „богоугодное дело“,—не библиотека, не больница.

Сейчас рассадник дурмана уничтожен, но живы пузатые колокола, а среди них—маслитый „малиновый звон“, в 318 пудов весом, наполненную из чистого серебра. У нас голод на цветные металлы, а вот ценнейшая медь праздно болтается в воздухе.

Живой остаток прошлого мира, подлинный „делегат из могилы“, это—грязный и оборванный „старец Николай“.

Шепча под нос, ковыляет он по колхозам, вещая бабам „голод и разорение“. Однажды он со вздохом объявил деревне: „Быть пожару вашему сегодня к вечеру“. И вечером запылали избы.

Какими нитями он связан с поджигателями? Сколько денег замотано в его грязной тряпичке, где он копит, как говорят „на свечи“? Иногда „старец“ распрямляется, и видны здоровенные мускулы.

Он еще и „доктор“. Вот он тащит склянку со „святой водицей“. Об этой „святой водице“ надо поговорить.

Дворцовый лампадник, „молитвенник“ дурашливого царя, кровавый шут, игравший миллионами жизней рабочих и крестьян, Григорий Распутин падал был до женских монастырей. Он завернул в Лу-

кино с компанией пропившихся князей. Он здесь пьянствовал, молился, плясал и возлагал руки на отроковицу.

Однажды с похмелья он умывался в монастырском роднике. „Свят, свят, свят“—возгласила игуменья. Забасил в неурочное время „малиновый звон“.

Собравшейся угрюмой кучке крестьян игуменья сообщила о „чуде“:

—Вот в этом самом месте ручка милостивца коснулась воды. И отныне вода та—святая. Будет вам от нее великая польза. От лихорадки, поноса, бездождия будет выручать святая водица. Давайте, пообедем сей родник камнем.

Началось „строительство“. Каждый камень благословляли. Соорудили большой колодезь. Но чудесную воду даром не давали: монахи продавали ее в бутылках.

И вот эту-то самую воду, освещенную прикосновением грязного развратника и пьяницы Распутина, юродивый Николай в 1931 году еще таскает по задворкам колхозов.

Удар колкола и крепкая струя соснового воздуха пробуждают нас. Зарядка. Доктор измеряет грудные клетки. Лучи солнца висят между густых веток. Чай, свежий хлеб, вкусная еда. Мы разбредаемся на крокет, на ванны, на реку.

Меня радует старый тискальщик типографии „Известий“ Родионов. Как серьезно, деловито выполняет он советы врача в режим дома отдыха. Как размеренно принимает порции воздуха, сна, молока. Как наставляет других, куда идти перед обедом, что делать с полотенцем.

Он исполнитель здесь, как у своего станка.

„Отдых третьего года пятилетки!“—говорю я себе.—Вот так размеренно, организованно отдыхают подлинные ударники. Чем неподвижнее мертвый час, тем больше сотен отскоков позже в типографии!

Но среди нас, сознательно берущих зарядку для будущего горячего труда, есть расслабление.

Васильевский, металлист, явно томится. Сосны недостаточно целебны, доктор невнимателен, плевательниц мало. А главное—скучно! Библиотека его не интересует, на вечера самодеятельности он плевать хотел.

Мы разлеглись на зеленой траве. Я читаю ударникам пьесу Глебова „Канун“. Мне надо написать отзыв об этой пьесе, и вот я хочу собрать мнения рабочих. Не без труда мы уговорили Васильевского послушать.

Я читаю. Коммунист Шипов в местечке на Западной Украине под угрозой петиции агитирует среди горняков.

—Вот большевик, что надо!—говорит Родионов.

—Всюду успевают, и зачем это только!—цедит сквозь зубы Васильевский.

Ксеньда, отец Бенедикт требует расстрела восставших рабочих.—Вот они каковы, „духовные отцы“.

—А кто это сказал?—вызывающе спрашивает Васильевский.

Все головы поворачиваются к нему.—Так вот, что ты за гусь!—Васильевский обнаружил свою природу. Нам многое становится ясно! Слышали мы, что он металлист недавний, связан с единоличным хозяйством. Подкулачник!

Мы не порываем связи с Васильевским. Мы хотим исподволь обработать его, прояснить его сознание. Но он связывается с неким „кумом“, не отстает от него ни на шаг.

—Кум, куда ты?

Уже выяснено, куда торопится „кум“. Он идет за реку, где кооператив, а в кооперативе водка. Он возвращается с веселыми глазами. Теперь ему старший врач—не брат!

Наконец его накрыли с поличным. Решение пролетарской общественности было короткое. Не хочешь запасаться силами, расслабляешь себя водкой, не пользуешься тем, что тебе предоставило пролетарское государство,—вон из дома отдыха!

И вот „кум“ приходит по дому с пожитками подмышкой, стуча сапогами по каменной дорожке. Деревья осыпают его каплями и зеленой пылью.

Мой взгляд падает на полукруглое черное отверстие в стене. Оттуда прокрадывается желтоватая струйка ладана. Слышно глухое, точно подземное, пение. Да, в этой дальней церкви служат!

Я захожу. Похороны. Кадит поп, невидные обычно монахи обступили гроб. Так, значит, и монахи сохранились!

Двое-трое наших заглянули, как и я, посмотреть на церемонию. Но что это! Нескольких отдыхающих стоят на коленях, крестятся. А Васильевский, развесив губы и тряся животом, несет тощую свечу поставить у образа.

Дом отдыха расположен в тесном соседстве с бывшим гнездом „пастырей“, растлевавших народное сознание. Не налагало ли это особых обязанностей на руководство домом отдыха? Крепостные стены, возведенные на гроши, выжатые купцом из рабочих! Была наглая продажа „от всех болезней“ воды, освященной прикосновением распутника, советчика палачей. Тысяча десятин фруктового сада, принадлежащего „отказавшимся от мира“. Бормочущий заклинания святой поджигатель. Какой все это новый антирелигиозный музей, блестяще разоблачающий классовую эксплуататорскую суть религии.

И это перед глазами тысяч рабочих, проходящих через дом отдыха. Несколько надписей, указателей, одна-две толковых беседы,—и вот уже огромная польза.

Что же сделали ячейка, библиотека, культотдел дома отдыха для использования этих блестящих возможностей? Завкультотделом читает на вечерах рассказы Зоценко, умно составляет вечера, отвлекающие от вредных „лунных ванн“. Скажу больше, вечера эти не плохи, связаны с пятилеткой. Но вот как раз по линии антирелигиозной работы, такой удобной здесь, ничего не сделано.

Полю даже захватили в свои лапы нескольких отдыхающих. Значит, у нас на стоящий прорыв на антирелигиозном фронте!

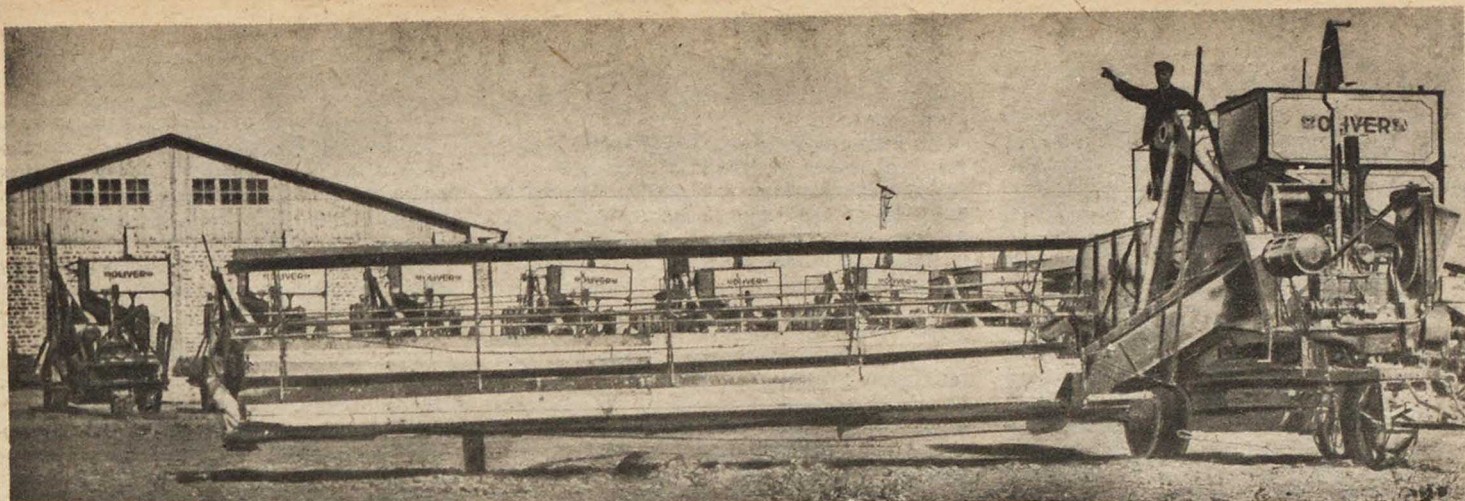
Чтобы повернуть в Лукино дело по-новому, мы затеваем стенгазету. Но приближается день отъезда. Гул талера уже на двигается на меня. В глазах уже мелькают маховики печатного цеха. Мы говорим о Москве. Стенгазету я завещаю ребятам нашим преемникам. Сдержали ли они свои обещания? Вышел ли первый номер Откликните!

Г. Нейман и коллектив

ДЕКАДНИК ЗАЙМА В ДЕРЕВНЕ

Колхоз „Свобода“ села Владыкино, Коммуна. района, Московской обл., выполнил задание по подписке на заем „3-го решающего года пятилетки“ на 202,5%. На снм: ке: сбор подписки на месте работы в поле. Фот. М. Шербак

В совхозе „Гигант“ Сев.-Кав. края. Комбайн „Оливер“ перед выездом на участок

Фот. П. Икра

ТЫСЯЧА СОРОК

Очерк Виктора Филка

На столе директора стояла трехлинейная лампочка. Было тускло, полутемно. В комнату набилось трактористов человек двадцать. Было невозможно тесно, но никто не хотел говорить с места, каждый старался протиснуться к столу, чтобы стучать по столу кулаком. Все говорили о том, что натворил уполномоченный райколхозсоюза: отличился перед Всесоюзным съездом советов, выкатил в честь съезда „красный обоз“, но взял для этого пшеницу без спроса со склада тракторной станции. Это была собственная пшеница курсантов-трактористов, которую они привезли с собой из колхозов на харчи, на время прохождения курсов.

— Ему байдуже!—кричали парни-трактористы.—Вин соби награду ждешь, бо красный обоз выставил, а нам жрать нечего-о-о!

Райколхозсоюз в смущенной панке смеялся себе в усы и советовал трактористам кушать „бублики“. Трактористы называют бубликом руль. Парень в валенках сказал по этому поводу, что таких райколхозсоюзов нужно гнать каленым железом по панке.

— Такие райколхозсоюзы,—пояснил он,—до того социализму та нам помогают, все равно как заяц кобыле...

Ораторы становились немного сбоку от лампы. От них падали громадные и неуклюжие тени на печку и еще на потолок.

Мне довелось этой весной объездить несколько тракторных станций на Украине и в Молдавии. У меня были узкие задания газетного корреспондента. На нашем языке это называется—сто двадцать строк. Сюда, в эти сто двадцать надо впахнуть всю лихорадку весеннего действия: надо сообщить, готова ли станция, готовы ли колхозы, закончена ли договорная кампания, имеются ли запасные части, в спешке называемые „запчастями“, имеется ли посевной материал, называемый „посевмат“, есть ли горючее и т. д., и т. д.

А, между тем, самая-то настоящая жизнь, варевое самое начинается на сто двадцать первой строке.

Вот райколхозсоюз лихачом вывез хлеб у трактористов и предлагает им „бублики“. Очень хорошо. Я еду с директором станции тов. Лысковым в район, в Рыбницу. Лысков ходит по райисполкому из кабинета в кабинет и убеждает всех начальников насчет несдобности тракторного „бублика“. Его выслушивают качая головами и обещают дать кулек хлеба. Вывезли шесть—семь тонн, а покачивая головами, обещают дать кулек.

— У чем же-ж дело, товарищи дарахой?

Трактористам в конце марта еще не выплатили жалованья за январь. Банк не дает денег. Директор станции стучит кулаками по столу, он грозит привести всех трактористов в банк. Тогда ему дают ордер на часть денег, на ничтожную часть,—на двести рублей, вместо трех тысяч. Но когда он с ордером выходит за дверь, к кассиру летит гонец с распоряжением денег по ордеру не давать.

Директор едет жаловаться в райком партии. У секретаря райкома уже сидит директор банка. Оба покатываются со смеху при виде директора станции, входящего с возмущенным лицом. Они смеются, как смеялись запорожцы, когда писали письмо турецкому султану.

— У чем же-ж дело, товарищи дарахой? Опе-ж гарно таба обдурили!

Это тоже на сто двадцать первой строке,—косность, глупость, равнодушие, непонимание, запорожская удаль. Об этом обо всем не успеть рассказать. Даже не успевают люди и заметить все это, как следует. У всех одно: успеть засеять...

Многого мы не видим за движением машин, за бегом вещей. Быть может, самого

главного не видим,—не видим, как вещи и машины переделывают людей.

В прошлом году на Украине и в Молдавии тракторные станции работали среди опасностей. Трактористов забрасывали камнями. Крестьяне выходили в поле с иконами и молились богу, чтобы сгинула нечистая сила. Единоличники стояли на своих межах с граблями, вилами и топорами. Конечно, подстроили все это кулаки. Но кулакам не нужно было очень стараться: молдавское крестьянство темно, как шестьсот лет тому назад. Темнота вошла в кровь. Несчастье социальное перешло в биологическое. Молдавия ездит на волах и почесывает поясницу без спешки, никогда не спеша. А трактор работает быстро и грохочет. Он переворачивает не только верхний слой земли, но все устои психики, все то, на чем стоит свет. Кто это любит? Трактористам было опасно ходить по улице.

И вот что произошло осенью: осенью выяснилось, что земля, обработанная трактором, дала чуть ли не вдвое больший урожай, чем земля, обработанная волами и клыками и освященная попом. Это взорвало молдавскую деревню, как фугас

Ударники тракторных мастерских совхоза „Гигант“—тт. Васия, Кудинова, Рябов, Тищенко и Ткачев, подписавшиеся на заем 3-го, решающего от 125% до 250% месячной зарплаты, пишут вызов всем ударникам совхоза „Гигант“

Фот. Ю. Дружелюбова

В этом году тракторные станции на Украине не имели отбоя от клиентуры. План коллективизации во многих местах перестраивается на ходу с превышением. И опять-таки, — никто даже не подозревает, что это значит на Украине — выполнить план коллективизации. Я видел в разных местах, как крестьяне, обыкновенные украинские дядьки, приходили на тракторные станции просить, чтобы им по крайней мере на время полевых работ организовали общественное питание и медицинскую помощь. Эти дядьки никогда не имели никаких культурных потребностей.

На тракторные курсы парни приходят даже из таких деревень, которые в этом году, за дальностью расстояния, не могут быть обслужены тракторной станцией. Если нехватает мест, они просят записать их хоть на будущий год.

Я видел письмо из села Будей, Кодымского района, от трактористов к директору Слободской станции. Парни сообщают, что организовали у себя в деревне кружок по изучению техники и просят прислать им „летиратуру и плакады, чтоб показать хлопцам за трактор“. Они просят поторопиться с высылкой, так как времени до посева остается мало, а они хотят успеть „передать хлопцам те знания, что мы получили на эмтээси“.

Случайно я знаю село Будей и тамошних крестьян. Я помню будейского дядьку, у которого было судебное дело „за землю“. Обыкновенное гражданское дело за землю у него было. Он предложил мне свои бумаги, и я увидел, — человек обвинялся в братоубийстве. Он с братом получил куное наследство от батьки, когда батька помер. Чтобы не делить десятину, он брата убил, ударив его лупней по голове. Это было дело „за землю“ кого-то из отцов нынеш-

них будейских трактористов-колхозников, которые просят „летиратуру и плакады“.

Мы совершенно не знаем, как вокруг тракторных станций жизнь варывается и летит комьями.

На днях посетил меня знакомый зверовод с Дальнего Востока. В Спасском округе под Хабаровском мужики этой зимой поймали живьем трех тигров. На эту охоту выходит компаниями по пять-шесть человек, долго бродят по тайге, выслеживают зверя, одного старого убивают или прогоняют, а молодых берут живьем. Молодые, которых взяли в этом году, уже рослые, однако, котят: по два года. В два года тигр созрел, как человек в 18 лет. Спасские мужики берут тигра не в капкан и не в сети: сети он не боится, а капкан может его искалечить. Раз зверь нужен живой, — значит, нужен здоровый. Звероловы бросаются на тигра как-то без оружия, хватают его за лапы, обматывают голову тряпьем, связывают и уносят. Это все тоже хорошо проделывать на ста двадцати строках, а в тайге это очень опасно. Трех тигров из Спасского уезда сейчас доставили сюда, в Москву. А в Спасском уезде строится тракторная станция. Конечно, тигр за много километров услышит трахтанье тракторов и отойдет. Но эти звероловы, высокие тасканные мужики с бородами по пояс, — я их хорошо знаю, — они куда пойдут? Выходит, что они пойдут на эмтээс, на тракторные курсы.

Конечно, если они будут бросаться на тракторы, как на зверя, то будет много ломки и ремонта и газетных статей о необходимости беречь имущество.

Но это пройдет, а если поломается сколько-то машин, то ведь какие люди за „бублик“ берутся? Какие люди?!

Я знаю Дальний Восток, в частности Биробиджан. В Биробиджане три тракторные станции. Они существуют два года. Там работают евреи-переселенцы. Уж я не говорю, что за эти два года они в Приамурской тайге вспахали больше земли, чем там было обработано за все 70 лет, какие прошли со времени присоединения Амура к России. Дело не в количестве обработанных гектаров. Дело в той жизни, которая создается в тайге благодаря трактору. Когда он там появился впервые, местное население — казаки — не на шутку злобствовали.

— Один вред! — говорили они. — Зверя разгонит, а потом ищи его!

Эти люди семьдесят лет живут в плодородном крае, на земле, которая щедро родит все, что ни посеешь, а занимаются главным образом охотой на зверя. Трактор ворвался в их жизнь как разрушитель хозяйства. Это было два года тому назад. Теперь уже в нескольких глухих амурских селах тракторные станции дают электричество, вокруг них сколачиваются хозяйства, проходящие все дальше и дальше в глубь неосвоенных земель, куда не ступала нога человека.

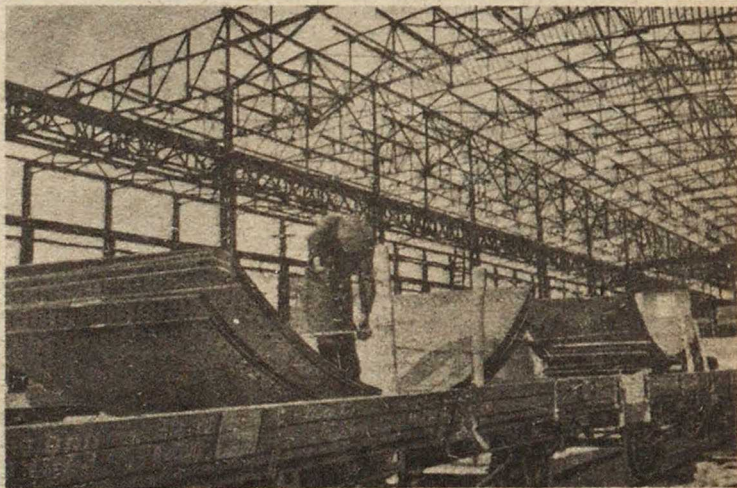
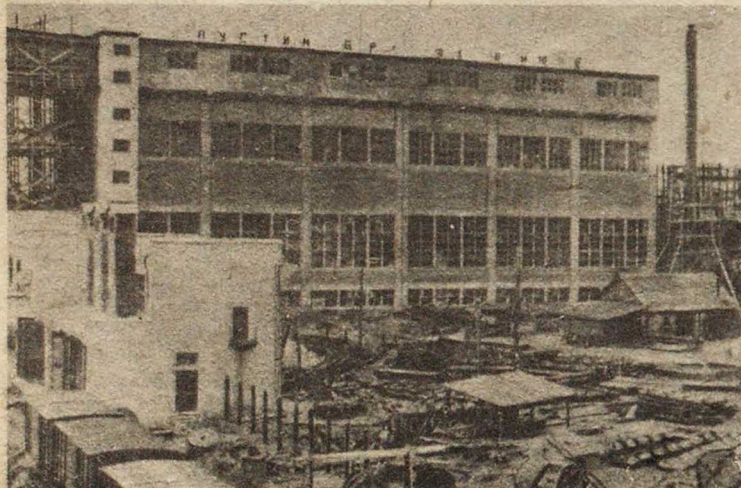
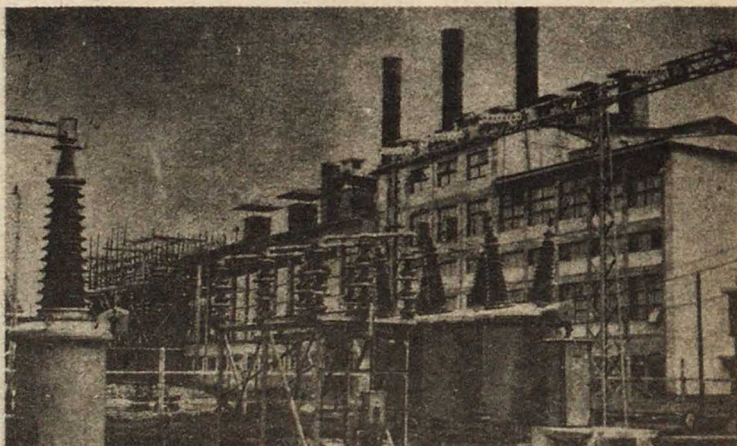
На противоположном берегу Амура стоят убогие глиняные фанзочки. Это китайские деревушки. Там уже Манчжурия. По ночам украдкой переходят манчжуры в длиннопольных халатах на наш берег и по звуку трактора идут через тайгу в глубь страны, где строится жизнь. Они ищут работы.

— Урбота! — говорят они. — Урбота!

Революция взорвала недра, в которых были погребены силы народов, и трактор засекает эти силы по целине.

Виктор Финк

РАСТУТ ГИГАНТЫ ПЯТИЛЕТКИ

На снимках: вверху слева — за стройке сталелитейного цеха Уралмашстроя; завод должен быть пущен в первом квартале 1932 г.; справа — здание крупнейшей электростанции Белорусской ССР — Белграс I; внизу слева — заканчивающаяся строительством Брянская районная электростанция (фот. Н. Кривец); справа — части кулеров для Магнитостроя, изготовленные на Мостовом заводе в Днепрпетровске, погруженные для отправки

ПРИЗЫВ РАБОЧИХ-УДАРНИКОВ В ЛИТЕРАТУРУ НА ДЕКАДНИКАХ „ОГОНЬКА“

На последнем декаднике составлен первый (пока еще условный) список членов актива лит-ударников „Огонька“. Записываются исключительно рабочие-ударники (пока представлены заводы и организации, — Шарикоподшипникострой, Островский яичный завод, Хрустальный завод, М.Б.Б.ж.д., 14-я типография, 2-й часовой завод, подшефный полк и др.).

Членами актива высказаны пожелания, чтобы в единичных случаях в актив „Огонька“ принимались и не-ударники, однако, с тем, чтобы они стали ударниками.

Все записавшиеся обязались немедленно войти на своих предприятиях в бригады с целью наилучшего изучения героев пятилетки и методов их работы. На каждом декаднике члены актива будут делиться впечатлениями о работе бригад за десять дней. На декадниках „Огонька“

будут обсуждаться не только написанные вещи, но и замыслы, как это уже имело место несколько раз, а также будет практиковаться вторичная читка произведений, исправленных по указаниям членов актива и посещающих актив квалифицированных писателей и поэтов.

В ближайшее время работа будет вестись по трем секциям: прозы, стиха, журналистики (последней будет руководить Михаил Кольцов).

Просим товарищей, уже бывавших на декадниках „Огонька“, а также и других желающих работать с активом „Огонька“, явиться на ближайший декадник и записаться, ибо запись будет прекращена.

О последнем декаднике даем отчет, написанный членом актива литударников „Огонька“, тов. Смеляковым.

На очередном литдекаднике „Огонька“ читали стихи тт. Васильев (Стеклозавод), Кудряшов (подшефный полк), Зарубин (М.Б.Б.ж.д.), Ромашов (Шарикоподшипникострой) и Смеляков (14-я типография). Все присутствовавшие приняли активное участие в обсуждении прочитанного.

Первым обсуждалось стихотворение тов. Васильева о поджигателе колхоз классового врага. Хорошо написанное, с упором на конкретность, стихотворение, однако, не достигает цели из-за того, что около 80% его занимают описания бури, дурги, пейзажа, и совершенно смазан конец, где автор отпускает классового врага безнаказанным.

В прочитанном тов. Ромашовым стихотворении на аналогичную тему — о враге на границе — отмечались некоторые неудачные выражения, например: „ненавиствуя к СССР“, „приготовь на врага нажим“, „но на друга он в черный испуг заострил под полкой кинжал“.

О трех стихотворениях тов. Кудряшова „В окопах будней“ выступавшие отзывались хорошо. Такие строки, как ироническая: „Я за социализм и лежа могу умереть“, как пафосная — „Линия пришла как генеральная линия“ (надо сказать, довольно частые в стихах Кудряшова), отмечались как образцовые. Стихи не только ставят, но и разрешают новые для поэзии вопросы (перевоспитание красноармейцев).

Тов. Зарубин прочел стихотворение о водоноске, которая в конце стихотворения неожиданно начинает учиться. Выступавшие товарищи отметили сочность образов

(„небритое солнце“), мягкость стиха и наряду с хорошим началом — недоработанность конца стихотворения. Последняя строка — пожелание — „желаю вам“ (учиться) — не имеет адресата.

Я прочитал стихотворение, которое было переработано после обсуждения на предыдущем декаднике. Актив отметил успешность переработки и постановил ввести в систему работы зачитывание исправленных стихов.

В общем вечер был урожайным. Актив готов и годен к работе.

Обсудив напечатанные в „Огоньке“ стихи Сухарева, Черкассского и Титова, актив перешел к прениям по вопросу о показе героев.

Мы говорили о том, что в громадном большинстве примеров показ, методы показа героев пятилетки даже квалифицированных писателей нас не удовлетворяют. Мы хотим работать иначе, углубленней и вдумчивей.

Актив постановил, во-первых, использовать метод тов. Башмака (Днепроострой), основная сущность которого, это — тесная связь автора с описываемым человеком или группой людей, при чем автор не только следит за их жизнью и работой, но и помогает им быть ударниками, и во-вторых, делиться на каждом декаднике впечатлениями о работе бригад на производстве.

На собрании был составлен условный список членов актива.

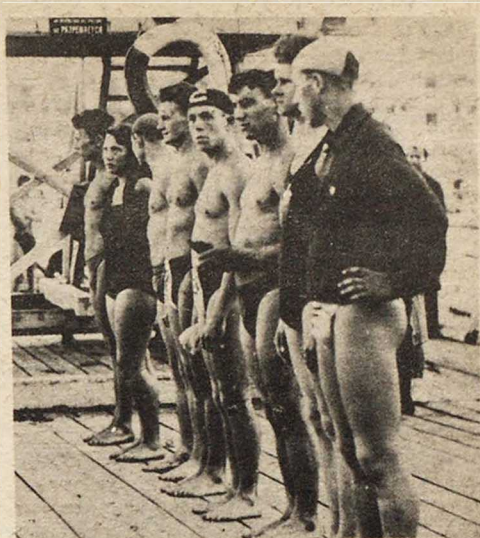
Я. Смеляков

СДЕЛЬЩИНА В СОВХОЗАХ

Тов. Влинова, бригадир совхоза Фаустово, Виноградовского р-на, Московской обл., отводит участок для прополки своей бригады, перешедшей на индивидуальную сдельщину. Фот. И. Васильева

10-ЛЕТИЕ КСИ

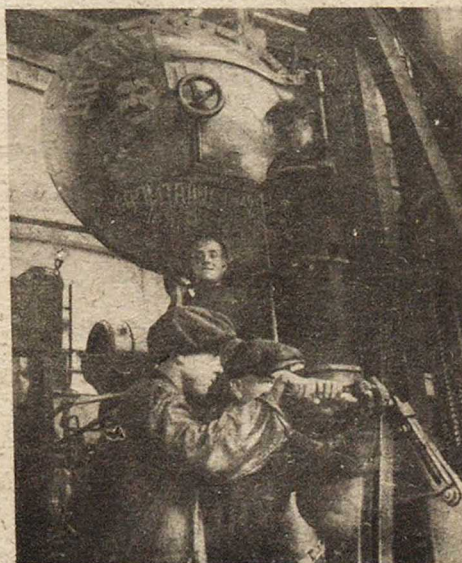
27 июля на водной станции МОСПС состоялся большой праздник в честь 10-летия КСИ (Коммунистического спорта. интернационала). На снимке делегация немецких рабочих-спортсменов, участников запрещенной берлинской спартакиады. Фот. Н. Коноплева

ДРОВА МОСКВЕ

Рабочие и служащие типографии „Огонек“ на субботнике по разгрузке дров. Фот. М. Иванова

УДАРНИКИ ТРАНСПОРТА

Ремонт паровоза ударниками Вяземского депо. Паровоз украшен лозунгом „догнать и перегнать технику капиталистических стран“. Фот. А. Моркина

ОТВЕТЫ

к 11-й серии

ТЕХНИКА ВСЕМ

ТЕХНИКА ВСЕМ

Серия двенадцатая

1. Как делается искусственная фибра?

Натуральная фибра, о производстве которой была помещена заметка в № 16 „Огонька“, почти повсеместно вытеснена искусственной фиброй, продуктом более дешевым, чем натуральная фибра и немногим уступающим ей по качеству. Искусственная фибра изготавливается главным образом из непрочной бумаги, вырабатываемой из хлопчатобумажного тряпья.

Бумага обрабатывается горячим раствором хлористого цинка, после чего пропитанные листы наматываются на большие горячие цилиндры, на которых разбухшие от действия хлористого цинка отдельные бумажные листы спрессовываются в однородную массу.

Полученный таким образом „фибровый картон“ снимается с цилиндра, промывается для удаления хлористого цинка и прокатывается между горячими валами под значительным давлением. Таким образом получают гладкие листы фибрового картона. Для окраски искусственной фибры применяются те же наполнители и красители, что и для натуральной фибры.

Для придания искусственной фибре большей стойкости ее подвергают вулканизации, т. е. вводят в состав фибры серу, которая отчасти вступает в химическое соединение с материалом, придавая фибре способность противостоять действию воды, и увеличивает ее механическую прочность (см. заметку „Вулканизация“, в № 21 „Огонька“).

У нас в СССР производство искусственной фибры имеется на единственном пока заводе около г. Кинешмы, Ивановской области, а разработкой вопросов, связанных с производством фибры, занимается кафедра искусственного волокна и фибры Ивановского хим. техн. института.

Примечание. Одинаковость промышленных названий натуральных и искусственных продуктов, очень часто сходных только по внешнему виду и совершенно различных по химическому составу или происхождению, нередко ведет к недоразумениям. Так, например, некоторые гг. полагают, что настоящая фибра и есть фибра из картона, а не из фибрина. Не приходится говорить о том, что это чистейшее недоразумение. Суррогат фибры действительно почти вытеснил натуральную фибру с рынка, но сам поэтому не стал натуральным продуктом.

2. Почему в верхних слоях атмосферы и на высоких горах всегда холодно?

При недавнем полете в стратосферу, т. е. область воздушного океана выше 10 километров, проф. Никар на высоте 16000 м. определил температуру воздуха почти в 70 гр. ниже нуля. На горных вершинах лежат вечные снега, при чем линии их колеблется в пределах от 4000 м. на юге до 1000 м. а на севере иногда и ниже.

Казалось бы, что чем ближе к солнцу, тем жарче должно бы оно греть. Это, одна-

ко, не совсем так. Прежде всего надо отбросить понятие „ближе к солнцу“. Солнце отстоит от нас в среднем на 140 000 000 километров и „приближение“ к нему на несколько десятков км. не имеет решительно никакого значения. Атмосфера, в особенности ее нижние слои; вследствие находящейся в ней пыли и водяных паров сильно поглощает и задерживает солнечные световые и тепловые лучи. Чем чище атмосфера, например на горных вершинах, тем более палящими становятся солнечные лучи. Но на больших высотах в тени царит холод. Происходит это потому, что разреженный и чистый воздух больших высот настолько хорошо пропускает солнечные лучи, что сам почти не нагревается. Тела, нагретые солнцем, немедленно излучают обратно полученное тепло и быстро остывают. Ясные летние ночи даже в жарких странах бывают очень холодными. Этим же объясняются также и весенние заморозки, бывающие только в ясные ночи.

Способность атмосферы достаточно хорошо пропускать солнечные лучи к земле и сильно задерживать обратное излучение тепла в межпланетные пространства объясняется тем, что солнце посылает на землю тепло в форме тепловых лучей, подобных тепловым лучам, идущим из открытой, наполненной углем, печи. Падая на землю, эти тепловые лучи преобразуются в теплоту, подобную теплоте, распространяющейся от сильно нагретых предметов, напр. чайника с горячей водой. Этот вид теплоты сильно поглощается атмосферой, нагревающейся от нее. Чем дальше от земных предметов, тем менее нагрет воздух, тем резче разница температуры на солнце и в тени. По данным современной науки, в пространствах между планетами, и в особенности между звездами, температура держится постоянно около 273 гр. ниже нуля.

3. Как защищаются телефонные, телеграфные и др. электрические провода от гроз?

Со времени изобретения Вениамином Франклином громоотвода количество пожаров и несчастий от грозных разрядов значительно сократилось. Но защита электрических сооружений от действия электрических разрядов грозы продолжает быть заботой современной электротехники. Электрические сооружения, в особенности телеграфные и телефонные линии и радиостанции, вследствие значительного протяжения и массы своих проводов представляют очень хорошие пути для молнии, стремящейся разрядиться в землю.

Если на пути вызванного молнией тока окажутся телеграфные или телефонные аппараты — они обычно подвергаются сильному разрушению и даже полному уничтожению. Поэтому электрические сооружения особенно тщательно защищаются громоотводами. Везде, где это только возможно, при наступлении грозы все провода заземляются и т. о. сами линии становятся громоотводами, при чем аппараты выключаются из линий.

Так приходится поступать на телеграфе, на телефоне с воздушной проводкой, при чем на таких телефонных линиях объявляется, что „во время грозы телефонное действие прекращается“. Но этого мало. Гроза может разразиться вдали от телефонной или телеграфной станции, которая о наступившей грозе узнает слишком поздно по расстройству работы аппаратов. Чтобы избежать этой опасности, каждый телеграфный и телефонный аппарат отдельно защищен своим грозным предохранителем. По большей части это устройство состоит из двух зазубренных пластинок, находящихся своими остриями очень близко одна от другой. Одна из пластинок соединена с линией, другая с проводом, отводящим ток помимо аппарата в землю. Расстояние между пластинками настолько велико, что рабочий ток не может перескочить между ними в виде искры, но и настолько мало, что грозовой разряд легко его перескакивает, минуя аппараты. При таком устройстве электрические заряды, накопившиеся на проводах, постепенно „стекают“ в землю, не достигая опасных величин.

Кроме того и на самых линиях ставятся грозные предохранители, устраиваемые обычно на столбах на определенном расстоянии один от другого. На случай прямого попадания молнии на провод ставятся „рогатые“ предохранители с значительным расстоянием между двумя медными дугами, „рогами“, из которых одна присоединена к рабочему проводу, другая — к земле. Такой рогатый предохранитель может пропустить очень сильные разряды, сам от них не страдая, не сгораясь. В то же время „рогатое“ расположение ветвей предохранителя энергично помогает тушению возникающей на нем при грозном разряде искры. Всеми этими мерами работа электрических сооружений во время грозы доведена до большой степени безопасности. При подземной проводке кабелей опасность грозы для линий связи значительно уменьшается, и в Москве, напр., работа телефонов во время грозы не прекращается.

Редактор МИХ. КОЛЬЦОВ.

Адрес редакции: Москва, Страстной бульвар 11

Издатель: Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК“

Неплатные редакцией рукописи не возвращаются. РЕДАКЦИОННАЯ — Москва 6, Страстной бульвар, 11. Тел. 4-68-18. Массово-тираж. сект. — 5-51-69. Рекламыш. отд. — 1-42-96. Адрес для телеграмм: Москва „Огонек“. ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ — Проспект 25 Октября, д. 1., тел. 5-26-09. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: „ОГОНЕК“ с прилож. „Всемирной Истории“ в 24-х книгах и 2-х картин: год — 21 р. Расписка: при подписке — 5 р., к 1 марта — 4 р., к 1 мая — 5 р., к 1 июля — 4 р., к 1 сентября — 3 р. „ОГОНЕК“ с прилож. „Библ. Огонек“ (2 кн. кажд. 10 дней) на год — 10 р., на 6 м. — 5 р., 50 к., на 3 мес. — 3 р., и на 1 мес. — 1 р.; „ОГОНЕК“ без прилож. на год — 3 р. 25 к., на 6 мес. — 1 р. 75 к., на 3 мес. — 90 к., и 1 мес. — 30 к.

Уполномоч. Главлита № В-8707. Офсет-печать типо-лит. Акц. Изд. О-ва „ОГОНЕК“, Москва, Сретенка, Последний пер., 26. Тир. 300 000

ВНИМАНИЕ

КТО ХОЧЕТ СОВЕРШИТЬ КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ИЛИ ПОЛУЧИТЬ АВТОМОБИЛЬ, КОМБАЙН, ТРАКТОР И РЯД ДРУГИХ ЦЕННЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЛИ ЖЕ ПОЛУЧИТЬ 10.000 РУБЛЕЙ, 5.000 РУБЛЕЙ, 1.000 РУБЛЕЙ, 500 РУБЛЕЙ И Т. Д., ДОЛЖЕН СПЕШИТЬ ПРИОБРЕСТИ БИЛЕТЫ 5-Й ВСЕСОЮЗНОЙ ЛОТЕРЕИ ОСОАВИАХИМА

ВСЕГО В 5-Й ЛОТЕРЕЕ разыгрывается **340.842** ВЫИГРЫША на общую сумму **4.010.000** рублей.

Купившие билеты VIII, IX и X разрядов участвуют во всех трех тиражах.

В августе и сентябре 1931 года состоятся последние три тиража выигрышей билетов VIII, IX и X разрядов 5-й лотереи Осоавиахима.

ГЛАВНЫЕ ВЫИГРЫШИ

в 5-й Всесоюзной лотерее ОСОАВИАХИМА:

- 3 выигрыша — кругосветное путешествие сроком на 4 месяца, камбайн с трактором и сельскохозяйственным оборудованием (по выбору), стоимостью по 10.000 рублей каждый.
- 13 выигрышей — кругосветное путешествие сроком на 2 месяца, трактор с сельскохозяйственным оборудованием, автомобиль (по выбору), стоимостью по 5.000 рублей каждый.
- 22 выигрыша — моторная лодка, жеребец-производитель (по выбору), стоимостью по 1.000 руб.
- 104 выигрыша — молотилка с приводом, рабочая лошадь, оборудование для столярной мастерской (по выбору), стоимостью по 500 р. каждый.
- 390 выигрышей — велосипед, место в санатории сроком на 1 месяц, ружье охотничье двухствольное, сенокос 8-рядная, жейка (по выбору), стоимостью по 200 р. каждый и ряд других ценных выигрышей от 10 до 100 р. каждый.

Таблицы выигрышей будут опубликовываться в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК».

Билеты продаются во всех ячейках Осоавиахима, отд. Госбанка, сберкассах и почтово-телеграфных отделениях.

Цена билетов с VIII по X разряд по 1 рублю за билет.

В этих билетах один выигрыш падает в среднем на 75 бил.

ПОМНИ, что покупая билеты 5-й ВСЕСОЮЗНОЙ ЛОТЕРЕИ ОСОАВИАХИМА, ты укрепишь оборону СССР.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ

НА МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХОУДОЖЕСТВЕННЫЙ И КУЛЬТУРНО-БЫТОВОЙ ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ И МОСКОВСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

р о с т

— боевой орган культурной революции и пролетарской литературы. Рассчитан на массового рабочего читателя.

СО ВТОРОГО ПОЛУГОДИЯ

в каждом номере «РОСТА» печатаются очерки пролетарских писателей и рабочих-ударников, об энтузиазмах социалистического строительства, героях пятилетки, введен новый отдел «Пролетарские писатели», через который читатель «РОСТА» ознакоми́тся с творчеством и опытом работы ряда пролетарских писателей.

С № 14 «РОСТ» разворачивает творческий смотр литературных, одновременно регулярно печатая обзоры литстраниц местной печати.

В ближайших номерах будет дан материал по следующим вопросам: Новая Москва (как красная столица выполняет решения июньского пленума ЦК ВКП(б) о городском хозяйстве); «Митинг малых форм» (самодельное искусство, эстрада, «Синяя блуза» и т. д.); «Дома-коммуны»; культпоход на новостройках; Дневник ударника, «Как продвигается книга» и т. д. В каждом номере журнала будет даваться литконсультация начинающим авторам.

Каждый рабочий, интересующийся вопросами пролетарской литературы, вопросами культуры, должен быть читателем и подписчиком «РОСТА».

«РОСТ» необходим каждому литературному кружку.

Журнал «РОСТ» богато иллюстрируется фотографиями, рисунками и карикатурами.

Журнал выходит два раза в мес.

Подписная цена: 12 м.—3 р., 6 мес.—1 р. 50 к., 3 мес.—75 к.

Подписку принимает исключительно почта.

Акк. Изд. О-во «ОГОНЕК»

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ВСЕРОССИЙСКОГО, МОСКОВСКОГО И ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЛ. СОВЕТОВ О. Д. Д.

ДРУГ ДЕТЕЙ

Журнал, как и Общество «Друг Детей», является центром мобилизации сил и средств пролетарской общественности на помощь делу коммунистического воспитания и пионердвижения. Журнал рассчитан на широкий актив членов Об-ва «Друг Детей» и деткомиссий, комсомольские и пионерские организации, работников-матерей и т. д.

Подписку сдавайте только почте заблаговременно. Подписка принимается до определенного срока, устанавливаемого местной почтой. Опоздавшая подписка принимается на следующий мес.

Подписная цена: год—2 р. 40 к., 6 м.—1 р. 20 к., 3 м.—60 к.

ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ (БЫВ. ИСКРЫ НАУКИ)

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ.

Богато иллюстрированный, в популярной форме, журнал освещает новости советской и иностранной техники, знакомит читателя с гигантами индустриализации, помогает ему выработать марксистско-ленинское мировоззрение в вопросах технич. политики.

Продолжается прием подписки с текущего м-ца
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: «Овладеем техникой» 12 мес.—4 руб. 80 к., 6 мес.—2 руб. 60 к., 3 мес.—1 руб. 40 к.

Подписку сдавайте исключительно почте заблаговременно. Подписка принимается до определенного срока, устанавливаемого местной почтой. Опоздавшая подписка принимается на следующий мес.

СОДЕРЖАНИЕ

М. ПОКРОВСКИЙ.—Привет Горькому.
В. КНОРИН.—За партийную историческую науку.
Б. МИНАОС.—Причины и движущие силы испанской революции.
С. ЛОЗИНСКИЙ.—Католицизм в истории Испании.
Э. ПЕЛУЗО.—За Пиренейским хребтом.
Мих. КОЛЬЦОВ.—Об Испании
Н. КРУПСКАЯ.—Июльские дни 1917 г. в Выборгском районе.
О. СЕФ.—Рамисшилы и жандармы.

МАССЫ ТВОРЯТ И ПИШУТ ИСТОРИЮ
А. ПАНКРАТОВА.—Призыв ударников в историческую литературу.
Н. ШИХЕЕВ.—История завода АМО. Ударники Повалев и Салов.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Е. СТЕПАНОВА.—Эрфурт — Гейдельберг — Лейпциг.
С. ЛАНЦУККИЙ.—Как я ушел от пещавцев.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФРОНТ

Н. ЛУКИН.—Как социал-фашисты пишут историю.

Журнал богато иллюстрирован.

Цена 1 рубль.

ПЕЧАТАЕТСЯ

№ 3—4 журнала

БОРЬБА КЛАССОВ

Подписная цена „Борьба классов“ без приложения: год—10 руб., 6 мес.—5 р. 50 к., 3 мес.—3 руб.

„БОРЬБА КЛАССОВ“ с 1 августа, с приложением 24 книг библиотеки „Всемирная история“ (с 1 января по 31 декабря комплектом)—22 руб. Рассрочка: при подписке—12 р. 50 к., к 1 сентября—5 руб. 50 к. и к 1 ноября—4 руб.

Подписчики на „БОРЬБУ КЛАССОВ“ с приложением „Всемирной истории“, внесшие по подписке в рассрочку только два взноса, должны немедленно внести третий взнос—5 руб. Не внесшим очередного взноса высылка журнала с № 5 прекращается.

Подписку сдавайте заблаговременно и только почтой. Подписка принимается до определенного срока, устанавливаемого местной почтой. Опоздавшая подписка принимается на следующий месяц.

Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК“.

Сдавайте старую посуду

ВСЕ МАГАЗИНЫ
(бывшие ТЭЖЭ)
ЛЕНИЕТ, мага-
зини ЦРК и по-
требкооперации
ПОКУПАЮТ

ФЛАКОНЫ
из-под духов, одеко-
лона, бани и тубы
из-под косметики

ЦЕНТРИЗДАТ

УЧЕБНИКИ И ПОСОБИЯ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

ВОЙНИЛОВИЧ-НЯНЬКОВСКИЕ.—Учебник англ. яз. для взрослых. Допущен Наркомпросом в качестве пособия для вузов, вузов, рабфаков, техникумов и курсов иностранных языков. Издание 3-е, стереотипное—2 руб.

ЦВЕТКОВА, ПОТКИНА и МИЛАШЕВСКАЯ.—Как научиться читать по-английски. 40 коп.

ВИАЛЕРТ и АБРАМ.—Краткая грамматика английского языка с упражнениями—1 руб.

УЧЕБНИКИ И ПОСОБИЯ ПО НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ

ИОГАНСОН.—Учебник немецкого яз. для взрослых. Допущен Наркомпросом в качестве пособия для вузов, вузов, рабфаков и курсов иностранных языков. 4-е издание.—2 руб. 20 к.

ШИМЕЛЕВ.—Грамматический справочник по немецкому языку.—60 коп.

Книги высылаются исключительно наложен. платежом.

Задатки не принимаются.

Заказы направлять—ЦЕНТРИЗДАТ—НИЖПОЧТА.

Москва, Кузнецкий Мост, 4.

ПЯТИДНЕВНАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА

КИНО

Газета „Кино“ освещает вопросы кино-промышленности и киноискусства, печатает статьи, очерки, фельетоны, стихи, карикатуры, шаржи, эпиграммы о жизни и быте экспедиций и кинофабрик. Газета обсуждает тематические планы Союзкино на 1932 год, вопросы производственно-технические и художественно-творческие и кинематографии.

В специальных отделах газеты „Календарь производства“ и „На сценарном фронте“ сообщается о выпуске из производства новых кинокартин и новых сценариев.

В отделе „За рубежом“ печатаются статьи и заметки, отображающие работу зарубежных киноорганизаций.

В отделе „Звуковое кино“ дается обширный материал не только информационного характера, но и помогающий развить самостоятельное овладение клубом и деревенского кино.

Режиссеры, сценаристы, актеры, операторы, киномеханики, студенты киноучебных заведений, члены ОЗКПФ, все кинопроизводственники должны стать подписчиками газеты „Кино“.

БОЕВОЙ ОРГАН ОЗКПФ, ведущий борьбу за превращение кино в орудие коммунистической пропаганды за новые кадры кинопромышленности, за политпросветительную работу среди кинозрителей и за мобилизацию кинообщественности вокруг кино.

КАЖДЫЙ КИНОЗРИТЕЛЬ ДОЛЖЕН СТАТЬ ЧИТАТЕЛЕМ ГАЗЕТЫ „КИНО“

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

12 м.—3 р. 50 к., 6 м.—1 р. 75 к., 3 м.—90 к.

Подписку сдавайте заблаговременно и только почтой. Подписка принимается до определенного срока, устанавливаемого местной почтой. Опоздавшая подписка принимается на следующий месяц.

Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК“.

ИМЕЮТСЯ КОМПЛЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ за 1930 г.

Цена 3 рубля.

Комплекты высылаются по получении стоимости переводом или наложенным платежом по получении заказа.

Москва, 6, Страстной б., 11, „Огонек“.

Количество полных комплектов ограничено

●●●

За 1929 г. комплекты разошлись полностью

БЛИЖАЙШИЙ ВЫПУСК ОБЪЕДИНЕНИЯ СОЮЗКИНО

НА ПОМОЩЬ

Съемки произв. операторами „Арменкино“.

Картина агитирует за оказание помощи пострадавшим от землетрясения в Армении.

Производство „Союзкинохроники“.